

Альберт Джоуль

Писатель
из Руара

Альберт Джоуль
Писатель из Руара

«Автор»

2023

Джоуль А.

Писатель из Руара / А. Джоуль — «Автор», 2023

Уставший путешественник Альберт заканчивает своё странствие, и находит город, в котором можно поселиться навсегда! Но удивительно гостеприимный Руар, озарённый волшебными театральными огнями, что-то скрывает. Пытаясь понять причину оживания персонажей своих книг, Альберт случайно раскрывает тревожный секрет дружелюбного города... "Шоу должно продолжаться, и пока горят огни сцены, театр будет жить" – это высказывание верно даже после пятидесятилетнего антракта! Актёры собрались на сцене ради самого масштабного представления легенды Руара, театрмейстера Албиони! Благодетеля... или Кукловода? Скоро узнаем!

© Джоуль А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие. Огни старого театра.	5
Глава 1.	9
Глава 2.	16
Глава 3.	22
Глава 4.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Альберт Джоуль

Писатель из Руара

Предисловие. Огни старого театра.

Эта история случилась в славном городе Руаре. Среди узких улочек и изящных домиков, на углу одной старой улицы и не менее старого переулочка находился театр. Сегодня вечером здесь задёрнули тяжёлые шторы из бордового бархата; тихо перешёптываясь, зрители занимали свои места на резных креслах из красного дерева. Мэтр Албиони, что более двухсот лет владел этим театром, прозвонил в бронзовый колокольчик, обозначая начало представления. Золотой свет лампочек осветил сцену, и из-за кулис вышли актёры: началось их время...

Почти четверть лампочек сцены не горела, но это было не важно. Сейчас, в тревожные времена эпидемии бледной лихорадки, люди забывали обо всех горестях, и приходили пусть ненадолго, но побыть счастливыми, погрузившись на пару часов в мир театра. Люди сидели, восторженно затаив дыхание, радовались, как маленькие дети, сопереживали героям пьесы, слушали чудесные арии. И не было в эти часы кого-то счастливее их.

Простое, но такое тёплое и уютное, словно посиделки с любящей семьёй, представление завершилось. Снова звон колокольчика театрмейстера, снова шелест тяжёлых бархатных штор. Зрители благодарили хозяина театра, и расходились по домам, бережно храня в сердце огонёк радости, которым поделился с ними театр.

В этот раз одна из зрительниц, молодая красивая женщина со слегка растерянным лицом и трогательными ямочками на щеках, подумала, и робко окликнула хозяина театра.

– Простите меня, мсье, мне больше не к кому обратиться. Учёные и знахари говорят, что надежды больше нет, но моя дочь... – сказала она, и замялась, словно пристыженная своей смелостью. Старый вельможа доброжелательно улыбнулся.

– Понимаю, всё понимаю. Бледная лихорадка уносит много жизней каждый день – печально произнёс Албиони.

– Но у вас ведь есть спасение? Почему в вашем театре все симптомы отступают? Почему вы до сих пор полны здоровья и сил в свои пятьсот лет?

Албиони подошёл к сцене, и жестом подозвал женщину. Затем указал на сияющие лампочки, и произнёс:

– Эти огни горели ещё в дни моей юности. Тогда я только открыл свой театр, и был преисполнен юношеской жизнерадостности. Я знал, что это будет нужно многим... и я не ошибся. Только посмотрите, сколько гостей приходят на каждое представление! Огни сохранили тепло моей жизни, и только поэтому я не меняю их с самого открытия театра. Но всё течёт, всё меняется.

Театрмейстер прикоснулся к потухшей, почерневшей изнутри лампочке.

– Эта лампочка перегорела в тот момент, когда мой близкий друг едва не спалил здание театра. По недоразумению, но содеянного не воротишь. Те три лампы рядом – нити накала порвались в них, когда моя первая труппа распалась. В тот день осталась лишь пара человек, с которыми мы чудом смогли возобновить работу.

Старый джентльмен грустно вздохнул, погружаясь в воспоминания. Затем указал на ещё один треснувший стеклянный шарик.

– Эта просто не хочет зажигаться с тех пор, как я сломал ногу, и впервые не вышел на сцену. Прошло семьдесят три с половиной года, перелом давно зажил, оставив после себя лёгкую застарелую боль, а лампочка всё равно не зажигается. Я понимаю её, ничуть не затаив обиду. И за каждой потухшей лампочкой скрывается подобная история.

Женщина странно посмотрела на Албиони: неужели пожилой театрмейстер правда имел в виду то, что сообщил ей? Конечно, чего в нашем мире только не бывает, но... это звучало невероятно, словно красивая и грустная сказка.

– Вы говорите, что все эти лампочки угасали только в мрачные дни вашей жизни... но остальные горят со дня открытия театра уже почти два с половиной века. Лампочки столько не горят. Неужели вам не кажется это странным, нелогичным? В конце концов...

Мсье Албиони посмотрел на женщину, и словно что-то хотел сказать, но лишь горько вздохнул. Одна тусклая лампочка, которая едва светила, моргнула и перегорела окончательно.

– Нелогичным? – грустно переспросил Албиони. Женщина испуганно сделала шаг назад. – Не стоит искать логику там, где царствуют другие мерилы реальности. Не всё этой в жизни правильно и рационально. Почему вы сами не пали духом и не смирились, когда вам сказали, что надежды нет? Не логичнее ли было принять истину, какой бы горькой она ни была? Простите...

Благородный лик и голос театрмейстера были спокойны, но его глаза выдавали целую бурю эмоций – ярость, досаду, негодование, сожаление... Женщина только виновато промолчала. Зачем нужно было лезть в душу к старому человеку, и высказывать ненужные сомнения?

Когда бесшумная буря утихла, хозяин театра снова подошёл к сцене, вывернул одну из сияющих лампочек, бережно завернул её в шёлковую салфетку, и протянул собеседнице.

– Примите от меня этот подарок для вашей дочери, и верните его в прикроватную лампу. Пусть она напомнит вам о том, что где-то в мире всегда сияет свет надежды. Что любая радость может гореть в сердце долгие века. Что любая печаль может оказаться всего лишь иллюзией, горькой грезой, принесённой молчаливыми ветрами. Что любовь побеждает все неприятности. Что вся наша жизнь – всего лишь пьеса на сцене, после которой мы подарим миру последние аплодисменты, и вернёмся к тем, кого мы любим всей душой.

Женщина ещё долго стояла, бережно сжимая драгоценную лампочку, сияющую тёплым золотым светом. Но в её сознании маячил ещё один вопрос... хотя она не знала, могла ли задать его... Всё же она решилась, мысленно коря себя за смелость.

– Господин Албиони, простите мне моё любопытство, но... что будет, когда в театре погаснут все лампочки? Их не так уж и много...

Пожилой театрмейстер грустно улыбнулся, и посмотрел куда-то вдаль.

– Представление закончится. Навсегда. Театр, верно, ещё будет работать, если кому-то нужны ещё эти старомодные театры. А я отправлюсь на заслуженный покой. Но это произойдёт только тогда, когда погаснет *предпоследняя* лампочка сцены.

– Разве не последняя? – спросила леди, но Албиони ничего не ответил. Впрочем, она сама догадалась, какой мог быть ответ на этот вопрос. Ещё раз оглядев сияющую лампочку, бережно завернутую в мягкий платок, леди вышла из здания театра, а золотой свет мягко плясал на оконных стёклах ночного Руара.

Спустя пару дней, после очередного представления, та же леди пришла к мсье Албиони, сияющая от счастья. Она выглядела лучше, чем в первую встречу: на щёки вернулся румянец, скорбные морщинки разгладились, а спина распрямилась.

– Я должна поблагодарить вас, мсье Албиони, моя дочь... ей стало лучше! И мне тоже! Прошу, возьмите это, в знак моей бесконечной благодарности! Свет вашей лампочки спас две жизни, и обе они благодарны вам!

– Милая дама, вам нечем отплатить мне. – улыбнулся в усы старый хозяин театра. На что женщина достала из свёртка старый ночник в виде симпатичного рыжего ёжика. Полустёртые глазки-бусинки радостно улыбались, эмаль на круглом пузике слегка потрескалась от времени. Было видно, этим ночником много пользовались.

– Когда мне было грустно или снились кошмары, бабушка всегда включала этот ночник, и всё сразу становилось хорошо. Он не такой яркий, как ваши огни сцены, но вдруг он тоже сможет стать одним из них?

Албиони величественно поклонился леди, и поставил ночник на место вывернутой лампочки. Стеклянная фигурка ёжика засветилась ярчайшим золотым пламенем, сравнявшись с остальными театральными огнями.

– Если бы каждый из ваших гостей принёс бы пусть даже самый маленький светильник... – начала женщина, но мсье Албиони мягко прервал её жестом.

– Нет. Многие пытались приносить свои светильники, чтобы найти замену перегоревшим лампочкам, но пока что... кроме вашего прижился только один, вот этот. Его историю позволите умолчать, но помните: она тоже досталась мне от доброго человека. Редки, очень редки случаи, когда душа способна исцелять. Но давайте продолжим разговор чуть позже. Наступает время представления, шоу должно продолжаться.

Шоу должно продолжаться, и пока горят огни сцены, театр будет жить.

Прошло несколько лет. Эпидемия закончилась, Руар зажил своей спокойной размеренной жизнью, но даже в таком тихом городе случаются беды. В один из вечеров случился пожар. Страшный пожар, что оставлял мёртвый прах от домов, и тех, кто не успевал их покинуть. Столбы огня гудели адским оркестром... Богачи спасали своё состояние, сбрасывая в почтовые порталы драгоценности и шёлковые денежные ленты. Это был настоящий хаос, которого Руар не видел за всю свою долгую жизнь.

Многие встали с вёдрами и огнетушителями именно здесь, на углу улицы и переулка. Огонь перекинулся на крышу театра Албиони, и уже начал пожирать верхние этажи. Не помогли даже противопожарные гранаты, что были принесены военными вопреки уставу, разрушительная стихия разгулялась не на шутку.

Мсье Албиони стоял и спокойно смотрел, как пламя пожирает само олицетворение его жизни. Огонь уже уничтожил третий этаж, где располагались антресоли с реквизитом.

– Господин Албиони, что делать?! И почему вы так спокойны? – взволнованно спросил один из актёров. Пожилой театрмейстер развернулся к юноше:

– Уже ничего. Рушится всё. Этот театр был моей жизнью почти двести пятьдесят лет. Четверть тысячелетия, если округлить. Старое отмирает, но вы же знаете, как любят говорить мои земляки, «Мироздание не терпит пустот». Просто... пора идти дальше.

– Но как же огни? Вы позволите им сгореть?! – с ужасом в глазах воскликнула женщина, что просила помощи во время эпидемии.

– Они не сгорят, не волнуйтесь. – всё так же спокойно ответил Албиони. – Вспомните пьесу о братьях-императорах. Все мы живы, пока жива память о нас. Будьте спокойны, вершится должное.

Огонь поглотил второй этаж, оставив ад на месте гримёрок и квартиры самого хозяина театра. Начал обваливаться потолок первого этажа, круша балками и осколками лепнины бедные кресла партера. Некоторые из актёров и зрителей не выдержали этого, и кинулись внутрь театра, пока тот ещё не обвалился, чтобы спасти чудесные лампочки. Столько, сколько позволит время! Но стихия была неумолима, и скоро театр пришлось покинуть, поскольку первый этаж тоже поглотило пламя. Тяжёлые шторы, ряды кресел, сцена – всё было объято огнём. А мсье Албиони только стоял и спокойно смотрел, хотя если бы кто-то взглянул в его серебряные глаза, то заметил бы невероятную боль утраты. Театрмейстер легко мог изобразить спокойствие, но глаза выдавали в нём истинные чувства.

Театр сгорел...

Утром следующего дня пожар всё же потушили. Некоторые здания можно было отреставрировать, другие же сгорели дотла. От театра Албиони остались лишь головёшки.

Та самая леди, что приходила когда-то к Албиони, встретила пожилого мэтра, стоящего близ магазина одежды его близкого друга – владельца ткацкой мануфактуры и поставщика реквизита. На джентльмене было белое пальто, широкополая шляпа и лаковые туфли нежно-кремового оттенка. В руке – небольшой саквояж: чудом спасшийся реквизит из оперы о «Путешественнике и трости из красного дерева».

– Мсье Албиони, это чудо! Огни! Они не были уничтожены пожаром! Они до сих пор горят, вплавленные в плафоны, закопчённые, засыпанные пеплом, но горят! Как такое может быть?

Театрмейстер тепло улыбнулся, глядя на восторженную леди.

– Правильно, они и должны гореть. Представление не было окончено, поскольку никто так и не прозвонил в колокольчик. – ответил он. – Сегодня вечером передайте всем: возьмите по лампочке, и помните обо мне. А если кто-то из вас откроет своё дело... пусть в вашем доме будет гореть лампочка из театра Албиони.

– А как же вы? Вы не будете восстанавливать театр?

– Театр не нужно восстанавливать, милая. Он не был уничтожен огнём, поскольку до сих пор стоит в ваших сердцах. Здание не имело того смысла, какой вы в него вкладывали. Что касается меня, то я теперь свободен, и наконец могу отправиться туда, где меня давно ждут. Окажите мне честь, сопроводите до начала пути.

Женщина взяла мсье Албиони за руку, и вместе они подошли ко входу в магазин. Резная табличка с надписью «Открыто» резко контрастировала на фоне закопченной двери; в ту злосчастную ночь она была повернута другой стороной. Албиони внезапно остановился перед дверью, и поклонился своей спутнице.

– Спасибо вам. Дальше я справлюсь без вашей помощи. Благодарю вас, и... прощайте! – сказал мэтр, выстукивая затейливый ритм тростью по двери. Женщина подумала, что пожилой джентльмен просто тронулся рассудком, когда сгорел смысл его жизни, и уже стала размышлять о том, как безопасно привести его в лечебницу, но Албиони уже зашёл в магазин. Дверь за ним мягко закрылась.

– Подождите! Вам нужна помощь, мсье! Я приведу вас к... – леди вбежала внутрь помещения, но осеклась; кроме зевающего кассира, в магазине больше никого не было.

– Простите, а где мсье Албиони? Он только что зашёл сюда, я видела! – спросила леди юношу у кассового аппарата. Но тот только пожал плечами, и пробурчал, что она «первый посетитель после пожара».

Последняя воля мсье Албиони была выполнена. Сияющие огни сцены бережно достали из оплавившихся плафонов, и сохранили в домах работников и зрителей театра. Самого мэтра с тех пор больше никто не видел. А со временем в городе открылись новые трактиры, оранжереи, магазины, лечебницы, и много других заведений, в которых тёплым золотым светом горели огни старого театра. И каждый хранитель такого огня помнил любимую поговорку старого театрмейстера:

Шоу должно продолжаться, и пока горят огни сцены, театр будет жить...

Глава 1.

Что такое путешествие? Бесконечно длинная и прекрасная дорога, по которой идёшь в поисках приключений, знаний, друзей, себя. Моё путешествие, или, как говорят у меня на родине, Странствие – длилось очень долго. Настолько, что я понял: иногда нужно просто сказать себе: «пора отдохнуть». И сделать это я решил в одном из тихих городков, которые словно созданы для спокойной жизни – в Руаре.

Я вышел из вагона парового экспресса на вокзальную площадь, отделанную зелёным мрамором, и порадовался приятному весеннему ветру, что по-дружески окружил меня своими бесплотными объятиями. Не спеша прогуливались по вокзалу самые разные люди... и здесь я хочу сделать пометку: в большинстве краёв, где я был, понятие «человек» относится к любому представителю разумных рас. Так что «люди» здесь были самые разные. Преимущественно человеки и эльфы, населяющие весь запад континента. Встречались и те, кого было сложно не опознать, вроде неповоротливых троллей, или тишайших пау. Иногда мелькали такие редчайшие гости, как рогатые краснокожие шартийцы или молчаливые дриады. Но обо всём по порядку.

Площадь освещала большая люстра из золочёного хрусталя, висевшая прямо в небе; всего лишь одна лампочка, но её золотой свет умудрялся превратить пасмурное весеннее утро в настоящий летний праздник! Этот свет словно бы говорил: «Добро пожаловать в Руар, будь как дома, гость! Тебе здесь рады!». Решено! Здесь я и осяду!

Проще всего было бы подыскать отель, постоялый двор или вейккен¹, но это – самая грубая ошибка половины туристов. Рассмотреть только самые красивые стороны города, и не познакомиться с другими, пусть и не самыми приятными его чертами – как съесть крем с пирожного! Лучше я потрачу немного больше времени, но пойму, прав ли я, что в таком городе живут дружелюбные жители? Тем более, что в мои планы входило поселиться здесь.

– Утро доброе, мсье, подскажите, где здесь можно снять жильё на долгий срок? – обратился я к читающему журнал пожилому джентльмену. Тот оторвал взгляд от страниц, и внимательно всмотрелся в меня; взгляд его бесцветных глаз, внимательный и цепкий, заставил немного поёжиться.

– Пальто фермерское, но чистое. Оптические очки, отсутствие саквояжа... ответ на свой вопрос получишь в оранжерее леди ди Талиэн, в конце бульвара, что слева от кофейни, юноша. Она может дать жильё, эта славная леди. – немного нараспев ответил старик, и вернулся к чтению журнала. Интересно, кто он? Сыщик? Или же просто мечтательный пожилой эльф, погружившийся в чтение? Пусть на этот вопрос ответит воображение!

Прежде, чем отправиться на прогулку по зеленеющему весеннему бульвару, я едва не столкнулся с другой гостьей этого города: очаровательной девушкой, хрупкой, как сонная греза. В руке у неё был саквояж, в глазах – знакомая мне растерянность начинающей путешественницы, не нашедшей привычных ориентиров, что делать дальше в новом городе.

– Это чудесный город, вам понравится! Как ваше имя, леди? – спросил я, почтительно кланяясь. Меня одарили взглядом перламутровых глаз, и смущённой, но благодарной улыбкой.

– Аврора. Можно Рори. Или Ри, – тихо проговорила она.

– Мне только что подсказали, где я смогу узнать о съёмном жилище, вы знаете об оранжерее леди ди Талиэн? – заметив, что мой ответ её смутил, я поспешил дополнить: – Не переживайте, надеюсь, мне правильно указали дорогу! Составите мне компанию?

¹ Вейккен – вариация гостиницы на востоке континента. Как путешественник и исследователь, я просто не могу не делиться своими знаниями, обрётёнными в самых разных уголках мира!

Девушка молча кивнула, и мы пошли вдоль бульвара. Нежные листочки вечнозелёного плюща украшали бордюры дороги; плитка, выполненная под мостовую, казалась уютной и удобной, а пока мы шли, я пытался поддержать путешественницу, рассказывая интересные факты о Руаре, вычитанные мной в библиотеке.

– Знаете, Рори, это, наверное, самый лучший и тихий из всех городков мира! А всё потому, что здесь умеют по-доброму ценить прошлое.

Девушка вопросительно подняла брови, и я пояснил:

– Должно быть, вы слышали легенду о театре Албиони, который завещал этому городу волшебные лампочки сценического освещения? Туристов часто очаровывают красивыми сказками, но эта действительно трогает за сердце!

– Вы думаете, что лампочки – выдумка? – неуверенно прошептала девушка.

– Ни в коем случае, но туристы любят такие байки! Хотя я более, чем уверен, что лампочки – просто символ. В наш просвещённый век магия давно изучена, а исторические события можно просмотреть, словно это было вчера. Вы увлекаетесь историей, Рори?

– Я художница. Но так, для души. У меня есть ещё маленький магазинчик, иногда я продаю там свои работы. – девушка посмотрела на меня, и задала вопрос, от которого я растаял: – Альберт, а хотите я как-нибудь подарю вам одну из своих композиций?

– Почту за честь, леди...

В груди приятно ёкнуло: Рори сразу понравилась мне, и я захотел стать для неё гидом по этому чудесному городу! Не только рассказать о нём, как опытный путешественник, но и самому что-то узнать, а попутно подарить ступившей на путь странствий прекрасную экскурсию.

– Альберт, а кто вам рассказал о леди ди Талиэн?

– Старичок на вокзальной площади. Судя по всему, он был очень хорошо осведомлён, куда мне надо идти. Если, конечно, мне не предложат снять комнату в самой оранжерее!

В ответ на мою шутку, девушка почему-то расстроилась. Я поспешил исправиться:

– Не поймите меня превратно, я люблю природу, и цветы в особенности! Просто считаю, что не стоит жить в царстве растений, чтобы не смущать их своим соседством. Увы, многие этого не понимают, а потом не могут утешить бедные фиалки, которым не по душе цвести в гостинной, где каждый день шум!

Девушка понимающе кивнула, и перевела взгляд в сторону плюща, который обвивал низкую ограду по обе стороны дорожек.

– А как же уличные цветы? Неужели им тоже в тягость расти среди людей?

– Нет. В отличие от нас, людей, дикие растения – полноправные хозяева своей земли. Но если с ними подружиться, то мы сможем стать хорошими гостями на их территории. Кажется, мы пришли, оранжерея леди ди Талиэн! Чудесное здание!

В конце бульвара располагался небольшой, но очень уютный (впрочем, в Руаре много уютных мест) квартал из трёх двухэтажных домов в обрамлении деревьев, которые уже сейчас стремительно зеленели молоденькими листочками. Если два дома выглядели обычно, то третий имел витрину с цветами, на нижнем этаже, а пристройка была накрыта полностью стеклянной крышей, под которой виднелось растительное великолепие цветущего сада.

– Всё верно, мы пришли. Совет на будущее, именно в таких местах можно найти хороших друзей, воспоминания о которых будут греть долгие годы! А вы откуда прибыли, Рори?

– Альберт, спасибо за экскурсию, но... простите, что я не сказала сразу. Это меня зовут Аврора ди Талиэн, я – хозяйка оранжереи. – окончательно смутившаяся девушка почти прошептала это, и, кажется, была готова провалиться сквозь землю от смущения!

– Простите, но... вы же сами туристка, я видел! Саквояж, настроение, наряд, неужели я ошибся?

– Понимаете, когда я прибыла в этот город, я настолько полюбила его, что подарила ему своё сердце. У меня здесь есть дело, которое мне по душе, хобби, добрые соседи. Но мне всегда хотелось отправиться в путь снова. И... простите!

– За что?

– Я совершенно не умею разговаривать с людьми! Но стоит мне решиться отправиться в путешествие, как обязательно что-то случится, что остановит меня. Как и сейчас. Мы снова пришли домой. Простите.

Я стоял, словно громом поражённый. Как я мог допустить такую грубейшую ошибку?! Вместо того, чтобы сразу поинтересоваться, кто моя новая знакомая, и куда она путь держит, я решил за неё, и ошибся! А теперь мы вернулись к её дому... я не знаю, что сказать на это. Кроме того, что внутри меня, за тяжёлым туманом стыда, шевельнулось лёгкое радостное чувство: если мы будем соседями с этой обаятельной девушкой, то со временем сможем подружиться, и даже вместе отправиться в новое странствие. Не сразу, конечно, но я готов потратить даже десяток лет, чтобы заслужить её доверие, и стать другом.

– Раз мы пришли, мог бы я снять у вас жильё? Простите мою бестактность, надеюсь, я смогу исправить впечатление о себе.

– Я была бы рада дать вам ключи от дома, но... он сейчас в плачевном состоянии. Там был пожар. Пока его не отремонтируют, туда нельзя селиться².

– О, вы тоже верите в вельенские приметы? Вы сами не из Вельена, леди? – оживился я. Девушка тепло улыбнулась, и кивнула. – Чудесные края, теперь я понимаю, откуда в вас это очарование! Но я готов подождать сколь угодно, пока идёт ремонт.

– Долго ждать не придётся, ремонт вот-вот должен быть закончен, уже на этой неделе! Альберт... как вы относитесь к литературе?

В который раз я подивился игре событий в этом городе! Старик направил меня туда, где я смог не снять жильё, но разобраться во многих других вопросах. Рори послала меня сюда – в здание театра, по совместительству – музей, и родину «Театрума» – литературного альманаха, где мне было предложено найти работу. Пока я дожидаясь ремонта в доме, я могу писать повести в Театрум; идея сочинять рассказы меня полностью устраивает! Оставалось только понять: а что делать в первую очередь? Договариваться о работе, или о жилье в местной гостинице на неделю? Об этом я думал, созерцая позолоченные завитки на входной двери.

– Привет, ты тоже прибыл «издалека»?! – я вздрогнул от внезапно подкравшегося со спины весёлого парня с экзотической причёской из сотни мелких синих косичек. – По глазам вижу, ты здесь надолго! Я Тив, рад встрече!

Я пожал руку нового знакомого (вернее, мою руку очень энергично встряхнули), и оглядел ещё одного жителя города: по-детски большие серые глаза смеялись не менее красноречиво улыбающегося рта. Брови, подбородок и нос украшала россыпь мелких золотых украшений, словно Тиву пришла в голову странная идея возродить забытую в веках идею пирсинга. Помятый костюм из тёмно-синей ткани совершенно не придавал солидности, скорее наоборот: дополнял образ неряхи. И движения: порывистые, почти смазанные, словно этот человек жил в два раза быстрее остальных!

– Я Альберт, где здесь... – договорить мне не дали, а схватили за руку, и потащили в коридор.

– Сейчас я проведу тебя, потому что кое-кто сегодня слишком смурной, но пусть выкусят! Прикинь, они мне говорят, будто так нельзя, хотя кто спорил! – протараторил он странную фразу, в которой я не понял и половины.

² Суеверные вельенцы считают: если в ремонтирующийся дом заходит кто-то кроме строителей, ремонт может продлиться вечность. Это имеет смысл: в Вельене почти нет неряшливых домов, а ремонт проходит в рекордно быстрые сроки.

– Что «нельзя»? – я не сопротивлялся порывам Тива отвести меня в здание Театрума, но насладиться эстетикой интерьера мне попросту не дали! Мы пробежали по красной ковровой дорожке, едва не столкнулись с парой человек, а затем ворвались в один из кабинетов. Ох!

– Мика, с тебя банкет, а то наши суслики... ой. Пардон, мсье ла Дахар, а Мика где?

Здесь Тиву полагалось бы смутиться, ведь в кабинете сидели двое джентльменов, и перебирали бумаги с самым сосредоточенным выражением лиц. Один – удивительно тучный, почти круглый брюнет с внешностью оперного певца, второй – стройный шартиец: тёмно-красная кожа, длинные чёрные волосы, и благородный изгиб длинных рогов дополняли утончённую фигуру.

– Закрой дверь с той стороны, Тив, мы заняты важным делом, – попросил шартиец, но заметил, что нарушителей спокойствия здесь двое. – Прошу извинить нашего курьера, мсье, он уже уходит.

– Басилио, что вы, в самом деле, молодость, просто молодость! – звучный и красивый голос «певца» наполнил помещение, как во время исполнения арии.

– Ой, да ладно вам! Мсье ла Дахар, отвалитесь ненадолго от бумаг, перебеседуйте с новичком? Он классный, отвечаю! – Тив сообщил это настолько уверенным тоном, словно я был его другом детства. Басилио³ и мсье ла Дахар переглянулись, а затем синхронно указали на дверь. С воплем «Подумаешь!», Тив ушёл. Две пары внимательных глаз теперь были направлены на меня.

– Простите за вторжение, обычно я договариваюсь об аудиенции, но я только сегодня прибыл в город. Мне сказали, что здесь я могу получить работу в литературном журнале. – сообщил я джентльменам.

– Уважаемый, скажите, как вы относитесь к творчеству Вальдо Менэра? Читали ли вы его бесценные рукописи, или тоже спросите, как ваш знакомый невежда, «что за фигню он натворил»? – поинтересовался краснокожий Басилио, и напряжённо сощурил глаза. Не зря в некоторых мирах их путают с демонами, коварства им не занимать! Я улыбнулся, и пояснил:

– Вальдо Менер, без сомнения, очень талантливая личность, но ни одной рукописи после себя не оставил, зато его творения украшают красивейшие из городов, включая Руар!

– То есть, вы настолько невежественны, что ничего не знаете даже о «Мыслетворных закатах»? – продолжал допрос Басилио, угрожающе хмурясь. Не будь я знаком с этим вопросом, я бы устыдился, посчитав, что допустил грубейшую ошибку, но сейчас этот трюк не прошёл.

– Ничего. Но я думаю, что если это произведение и существует, то не в исполнении известного скульптора. Вопрос с подвохом.

Не зря я, перед путешествием в новый город, провожу неделю в библиотеке! Певец расмеялся добродушным громовым раскатом весенних гроз; ему мой ответ понравился.

– А вы не промах, юноша! Знание прошлого в нашем деле очень важно! Позвольте представиться, Сонг ла Дахар, мастер-директор Театрума, а это – мой добрый коллега Басилио, мастер-историк. Мы – те, кто превратят ваши чудесные идеи в восторги благодарных читателей! Впрочем, перейдём сразу к делу, у нас слишком много работы, и слишком мало времени!

Я почтительно поклонился джентльменам. Пройдя короткое собеседование и вызвав удовлетворительные кивки театралов, я решил спросить то, что напрашивалось с самого первого взгляда на здание.

– Басилио, насколько я вижу, это здание раньше было частным театром? Я узнаю архитектуру театров прошлого тысячелетия.

³ В культуре шартийцев не приняты вежливые обращения, а фамилия играет совершенно иную роль, так что отсутствие «мсье» в обращении к Басилио, и упоминание его по имени – такой же знак вежливости, как применение этой приставки к имени мсье ла Дахара.

– «Шоу должно продолжаться, и пока горят огни сцены, театр будет жить», – наставительно произнёс мсье ла Дахар. – Последний завет нашего любимого мэтра Албиони! Я был центральным голосом труппы, и, без лишней скромности признаюсь, что способен брать любые тембры, от контртенора, до баса-профундо⁴! Любовь бессмертна, особенно любовь к музыке. Двести лет стажа, и ни одной неудачной ноты!

Я удивлённо поднял брови.

– Не нужно удивляться, юноша, я тоже отношусь к роду кэров⁵, как и вы, только чёрных. Долголетие у драконов, с позволения сказать, в крови! – отмахнулся певец. – Без нашего уважаемого театрмейстера любое выступление выглядит... не таким, каким мы его хотели бы видеть.

– При всём уважении, мсье ла Дахар, но без нужной иллюминации, идея вернуть те самые вечера заведомо провальна. – Басилио сделал замечание коллеге, а затем посмотрел на меня. – Видите ли, это считается легендой Руара, но огни сцены действительно обладают магической силой, и я имею ввиду не обычную магию. Благодаря свету этих лампочек, в нашем городе случаются чудеса, каких более не встретить ни в одном из уголков мира. Таково было завещание покинувшего нас маэстро, и вернуть их ради красивого жеста было бы неуважением его памяти.

– Бросьте, Басилио, мэтр ещё на наши похороны заявится, такие не умирают!

– Но медиумы утверждают, что не видят его ни среди живых, ни среди мёртвых. А его исторические слепки вы сами видели! Засвеченный силуэт!

Мсье ла Дахар фыркнул.

– То, что медиумы его не видят, говорит лишь о том, что мэтра нет в этом мире...

На какое-то время ла Дахар и Басилио увлеклись, устроив целую дискуссию, которая выглядела ещё одним театральным представлением, но её быстро прервали, вспомнив о «зрителе» в моём лице.

– Ещё поспорим на эту тему, друг мой. А вам, юноша, предстоит самое настоящее испытание! Как понимаете, нельзя просто так зайти с улицы в главный литературный журнал Руара, но мы дадим вам шанс. Прежде, чем мы дадим вам первое задание, вы отработаете несколько дней в квартире нашего уважаемого театрмейстера жильцом.

– Простите, жильцом? – я не поверил своим ушам. – Как это?

– Согласно одной малоизвестной традиции Руара, исторические жилые помещения не должны пустовать! – Басилио снова поднял вверх палец с чёрным острым ногтем. – Пара ночей в музейном экспонате – не худшая плата за ожидание. Зевак не будет, они ходят только к сцене. Возможно, это поможет вам преисполниться вдохновением, и написать для Театрума свою первую повесть.

– ЧЕГО-О?! – дверь внезапно распахнулась, и Тив вытарашился на шартийца-историка. – А сразу признаться влом?!

– Признаться в чём? – я заподозрил какую-то тайну. Неосведомлённость не порок, но здесь было что-то ещё. Мсье ла Дахар слегка раздражённо пожал плечами.

– Тив, то, что тебя это почти сломало, говорит лишь о том, что тебе надо больше работать над собой. – после этих слов певец зевнул, и повернулся ко мне. – Понимаешь ли, Альберт, энергетика квартиры маэстро Албиони... несколько тяжела для слабых духом. Но я лично проводил там месяцы, и ты тоже, как кэр, выдержишь это без труда.

⁴ Контртенор – самый высокий мужской голос. Бас-профундо – очень редкий низкий мужской голос.

⁵ Кэры – драконы, отказавшиеся от облика крылатого ящера, и полностью перенявшие культуру и быт разумных гуманоидов.

– Стоп, так ты тоже кэр? Серьёзно?! Кэры, шартийцы, стварды, кого ещё занесёт? Может, человека?! Да ну, бред какой-то! – Тив откровенно паясничал, но, судя по реакции Басилио, это было его нормальное состояние.

– Ага, а вот и наша мужская компания! Я не помешаю? – в комнату заглянула кудрявая бледная леди в старинном камзоле. Рукава и отсутствие декольте дополняли образ традиционного вампирского стиля.

– Мика, эти злодеи моего новичка в квартиру мэтра отправляют, ты прикинь?! – проскулил Тив. Девушка по-матерински потрепала синеволосяе чудо по макушке, посмотрела на меня своими красными глазами, и мечтательно улыбнулась.

– А знаешь, я тебя бы там и вовсе поселила, ты очень гармонично впишешься в интерьер! Я с опаской посмотрел на хохочущего ла Дахара, и уже начал прикидывать, как бы добежать до ближайшей двери из этого уютного, но бедлама...

– Не бойся, я просто шучу! Но ты и впрямь похож на молодого маэстро, каким он был в годы, когда только-только открыл свой театр!

– Не смотри на её чудесное фарфоровое личико, Альберт, Мика в два раза старше меня! – пояснил певец. – Но выглядит она, как в те года, когда я впервые исполнил арию князя Харта. Мастер-секретарь Театрума, к вашим услугам. Сильная леди, обеспечивающая идеальный порядок нашим бумагам.

– Простите, у меня уже голова кругом идёт, столько информации! – я не кривил душой. Атмосфера в кабинете была очень приятной, но кружила голову, как балы фей. Мика жестом позвала меня за собой.

– Идите, Альберт, вам стоит подготовиться перед экзаменом. – произнёс на прощание Басилио. Музей-театр, работа жильцом... это очень безумный день, и очень интересный!

Настоящей наградой мне стало предоставленное жилище: не просто комната, а рай для уставшего путника! Мэтр жил на втором этаже своего театра, в очень уютной квартире. Зевак сюда не пускают, но, как пояснил Басилио, ценность квартиры-экспоната – в том, что она до сих пор олицетворяет присутствие театрмейстера в городе. Небольшой минус, её сложно «греть», из-за чего слабоодарённые магически могут чувствовать себя уставшими и разбитыми. Но я ещё раз осмотрел предложенные мне апартаменты, и восхищённо выдохнул. Это было лучше самого роскошного отеля!

Бордовые шёлковые обои, навевающие мысли о театральном занавесе, паркет из янтарного дерева, мебель, какая была в моде двести лет назад: всё это дарило приятное чувство ностальгии. Казалось, я вернулся домой к любящему дедушке, который вот-вот вернётся, и расскажет сказку о старых добрых временах... это было наваждение, но я не стал его стращивать. Очень приятное ощущение!

Рабочий стол мэтра, на котором он самолично писал пьесы и сценарии, украшала большая пишущая машинка, а рядом лежала стопка чистых листов бумаги. Что это всё можно (и нужно!) использовать, я знал, но моё внимание привлекла ещё одна деталь: настольная лампа.

Бархатный абажур с бахромой прикрывал плафон с круглым шариком лампочки, и золотой свет, излучаемый этим предметом интерьера, был настолько необычен, что я почувствовал себя мотыльком, готовым созерцать его всю жизнь! Но в дверь деликатно постучали, и я увидел добродушное округлое лицо мсье ла Дахара.

– Сообщи, если тебе будет некомфортно, Альберт! – попросил он. – И прошу извинить Тива за это вмешательство.

– Мсье ла Дахар, а каким был театрмейстер? – поинтересовался я, цепляясь взглядом за портрет с величественным стариком в красно-белом сюртуке, с ухоженными усами, и мудрым взглядом. Певец поймал мой взгляд, и благодушно кивнул.

– Легендой нашего славного городка! Хотя эта слава пришла к нему после его ухода, когда мы выполнили его наказ. Знаете ли вы эту трогательную историю, Альберт?

После рассказанной, в очередной раз, истории о театре, его хозяине, и последнем напутствии, я понял, что мсье ла Дахар не только певец, но и потрясающий рассказчик!

– Иногда мне кажется, что жизнь в городе поддерживается именно что театральными огнями! Самым невероятным чудесам город обязан им. – подытожил кэр, и указал на лампочку на рабочем столе. – Не будь здесь этого чуда, постройка так и оставалась бы муляжом театра. Она освещала сцену около восьмидесяти лет, а теперь вернулась на своё место. Но полно беседовать, Альберт, Театрум просыпается с восходом солнца. Если не передумаете, дадим вам экзаменационное задание на рассвете.

– Погодите! Мсье ла Дахар, а почему не наоборот? Вы дали мне комнату, а задание – завтра? – переспросил я. Певец опять мелодично рассмеялся.

– Не обращайтесь внимания, просто добрая традиция Театрума для всех новичков! К тому же... вы и правда очень похожи на театрмейстера, каким он был в годы своей юности. Представляете себе, он тоже был иностранцем. Но поговорим об этом позже, если хотите. Приятных снов, Альберт.

Я лежал в мягкой кровати с балдахином, вдыхая лёгкий аромат старины, и понял, что это – самое лучшее приветствие, какое только могло быть. Каждый город – уникален, но подобного искреннего и живого дружелюбия я пока не встречал нигде!

Театралы были правы – это место идеально для творчества! Уютный полумрак, золотой свет лампы, и мягкий свет звёзд из потолочного окна, всё больше подталкивали меня к мысли, что я нашёл свой дом. Моё странствие наконец-то закончилось, и Руар – это то самое место, где я готов прожить всю оставшуюся жизнь. Может, я буду ещё странствовать, но теперь в моей жизни появился город, который я могу назвать родным. С этими мыслями я отправился блуждать по самым приятным из коридоров сновидений...

Глава 2.

Весной солнце встаёт поздно, поэтому я не только успел выспаться, но и в который раз понял, что пребывание в музейной квартире оказалось не испытанием, а наоборот, сладким обещанием счастливой жизни, добрых друзей, и работы мечты! В розовом утреннем свете я заметил карету историка, а затем и неразлучного друга вампиров – чёрный зонт с кружевами.

– Эй, Альберт! Привет! – раздался звонкий голос Тива. Секунду спустя я нашёл и самого коллегу, и помахал ему. Внимание синеволосого весельчака привлекло что-то ещё, поэтому он с воплем «Дружище, ну кто так делает, давай, помогу!», убежал за угол, а я сладко зевнул, и ещё раз потянулся. Доброе утро!

После лёгкого завтрака я спустился в парадную, чтобы наконец-то рассмотреть здание, пока меня снова не увели куда-нибудь. Как я сразу заметил, это чудесный образчик частного театра, какие были очень популярны лет пятьсот назад, но дожить до наших дней удалось лишь единицам: как досуг, театр проигрывал многим развлечениям.

Коридоры освещены электрическими канделябрами, бордовая ковровая дорожка направляла к сцене, пурпурные – к другим важным помещениям: буфету, гардеробной, уборной. Бессмертный пафос театрального уюта радовал глаз, но при этом не давил внезапною, но очень приятную домашнюю атмосферу.

В зрительном зале я сразу представил себя зрителем, когда присел в одно из кресел; всего сотня, очень маленький зал, в котором все зрители могли знать друг друга! Возможно, поэтому театр и прожил так долго: это не те помпезные мероприятия, к которым привык мир, а настоящие семейные вечера, где даже трагедия «Смеющегося Короля» будет выглядеть приятной сказкой!

Неестественно выглядела только сцена; из-за чего-то она казалась чужеродной. Я потрогал её шероховатую поверхность, бронзовые ракушки суфлёрской будки, и ряд круглых лампочек, но так и не нашёл причины непонятного дискомфорта. Что не так?

– Лампочки ненастоящие. – раздался звонкий голосок вампириши Мики, которая стояла в дверях, и наблюдала за мной всё это время. – Мэтр сам велел раздать лампочки любимым зрителям и труппе. Не удивляйся, об этом все спрашивают!

Я смущённо улыбнулся, представив, сколько «оригинальных» гостей здесь ошивается ежегодно, а театралы отвечают раз за разом одно и то же. А я ещё, по наивности, посчитал историю театральных лампочек просто рекламой этого милого городка. Ещё один красноречивый признак усталости путешественника.

– А как часто здесь происходят экскурсии?

– Пару раз в неделю. Сонг водит любопытных днём, я – ночью! Но думаю, это подождёт, ты же помнишь про экзамен?

Я кивнул, и мы отправились в рабочие помещения Театрума.

– Ладно, коллеги, у нас с вами по-прежнему очень много работы, но давайте зададим Альберту задание, и разбежимся вершить рабочие подвиги! – провозгласил мсье ла Дахар, и всмотрелся в моё лицо. – Альберт, я же прав, что ты проснулся в хорошем настроении?

Я кивнул, и заметил:

– Кажется, моё дежурство в квартире прошло впустую, я не чувствую никакого истощения. Даже наоборот, готов к работе, это нормально?

Театралы одобрительно переглянулись.

– Это творческая магия, а не жертвенная. Вместо истощения вы почувствовали примерно то, что можете испытать за годы активной работы в этом месте, Альберт. – пояснил Басилио. –

Идеальная альтернатива стажировке! Но теперь вам предстоит перейти к делам. Знакомы ли вы с Театрумом?

– Я просмотрел один выпуск, по диагонали, но мне очень понравилось! – признался я. – Кажется, здесь можно найти подходящее чтение для любого читателя.

– Так и есть, коллега, так и есть! – хохотнул мсье ла Дахар. – Но нам всё ещё нужны молодые таланты, последнее время слишком много историй, которые не годятся для альманаха. Старые писатели устали, а новички бесталанны!

– Как не трудно догадаться, заданием будет повесть: на любую тему, но с условиями. Качество выполнения этих условий расскажет нам, что нам стоит от вас ожидать. – сообщил Басилио. – Терпеть не могу исторические ляпы. Моё мнение: если пишешь о делах минувших, изучи предмет от корки до корки! Так что первое произведение должно отсылать не к домыслу, а реально произошедшему событию. Следующие пишите о чём пожелаете, но это – извольте!

Я прикинул сложность задания, и понял, что легко справлюсь с ним. Библиотеки всегда были моим любимым местом для досуга.

– Это обязательно должна быть героиня. Сильная героиня, которая найдёт свою любовь! – встряла Мика. – Альберт, я вижу, что ты не влюблённая девочка, так что покажи, как ты сможешь описывать историю от лица непохожих на себя героев!

– Внесу поправку, если это будет очередная распутница, которую вожделеют все остальные действующие лица, я сразу укажу вам на дверь. – холодно добавил историк. Певец расхохотался, а вампирша сложила бровки домиком, и укоризненно покачала головой.

– Не будьте букой, Басилио, эти рассказы чудо как хороши!

– Они хороши в качестве напоминания, что любовь отнимает разум.

– Ой-й! Как будто обилие научных фактов его кому-то прибавило!..

Кажется, эти двое были старыми спорщиками, в вопросе дамской литературы. Второе задание мне показалось сложнее, ведь я никогда не разбирался в романтических историях! Смогу ли я это описать? Через некоторое время Мика и Басилио прекратили спорить, оставшись снова при своём мнении.

– Внесу свою лепту в наше задание. – вкрадчиво проговорил кэр. – У хорошей истории должен быть хороший конец. *Литературно* хороший, естественно. Моя маленькая слабость – истории, которые рвут сердце в клочья! Когда полюбившийся герой трагически гибнет! Конечно, это уберёжет вас от искушения написать продолжение, но редкий персонаж его действительно заслуживает.

Теперь я стоял в растерянности. Историческая достоверность, любовная линия, и трагический финал... и всё это совместить в небольшой повести, стандартного журнального формата! Внутри меня натянулась холодная тревожная струна: какими же могут быть следующие задачи, если сейчас от меня требуют настолько сложной для меня истории?

– А что будет, если я не справлюсь? – осторожно поинтересовался я.

– Совсем вы не провалитесь, но, можете работать у нас на менее творческой должности. Театрум, чтобы вы знали, это не только вдохновлённые писатели, одной фантазией журнал не распечатать, и покупателям не доставить. – сообщил историк. – Срок выполнения задания – неделя. Будем ждать работу в следующие выходные, и не забудьте трижды проверить её на ошибки!

Итак, моя задача – историческая повесть: с чего начать? В наше время есть три способа это сделать: опросить возможных современников, записаться на сеанс к практикующему историку, либо направиться в библиотеку. Каюсь, моя слабость – именно библиотеки, тем более что мне было интересно посмотреть на местный храм знаний!

Здание библиотеки было в Руаре лишь одно, но оно поражало воображение. Проходя мимо него ранее, я думал, что это был дворец монарха со времён Эпохи Короны⁶, но я ошибся. Это всегда было зданием Библиотеки, с большой буквы! Мраморные стены, витражи и тяжёлые колонны давили своим величием, так что невольно я понял, почему город зачитывается Театрумом: в Библиотеке можно было проводить научные изыскания, но не отдохнуть в объятиях печатного слова. Такой тип библиотек мне не нравился с детства, но сейчас это было идеальное место для моей задачи.

Весенний тёплый ветерок остался позади: волшебная, во всех смыслах, атмосфера Библиотеки позволяла сохранить в целости даже тысячелетний пергамент, а бесшумные фигуры библиотекарей в серой униформе, с одинаковыми фарфоровыми масками, выглядели обезличенными призраками. Подойдя к одному из них, я удостоился спокойного, и в то же время изучающего взгляда.

– На какой вопрос вы хотите узнать ответ, юноша? – тихо, но различимо прошептал он нараспев, профессионально обойдя невероятную акустику Библиотеки.

– Мне нужны самые интересные, для современных читателей, исторические события, не заезженные литераторами. – попросил я. – Такие, о которых можно написать красивую повесть для Театрума.

– Белый шейный платок, кожаный жилет, я знаю, что вам нужно. Следуйте за мной, мсье. – отстранённо проронил библиотекарь, напомнив мне старика, указавшего на оранжерею Авроры ди Талиэн. Интересно, был ли это тот же старик, или подобная манера речи распространена в городе? Пообещал себе узнать это на досуге.

Сейчас моя задача – погрузиться в историю. Меня попросили разместиться на удобном диванчике, а затем снабдили десятком книг, которые величественно вспорхнули с книжных полок, и приземлились на стол.

– Когда найдёте ответ на свой вопрос, просто обратитесь к одному из нас, чтобы книги вернулись на свои места. – с этими словами библиотекарь ушёл прочь, а я осмотрел выделенные мне бумажные драгоценности.

Удивительно! Переплетённые шёлком талмуды эпохи короля Вельганте, образчики типографии Вельенской Исторической Артели, научные работы Белых... от восторга у меня перехватило дыхание, это же настоящие сокровища!

Несколько часов я не вылезал из пыли веков, пытаюсь понять, о чём мог бы написать. Как я успел заметить, у Басилио типичный характер для шартийца, так что мне может быть высказана нота недовольства, если я возьму столь популярную у молодёжи Эпоху Рыцарства. Эстетика поющих розовых водопадов островов Маэро могла бы очаровать самых юных читателей, но будет скучна уже студентам. Которые, в свою очередь, будут в восторге от интриг и предательств дома Боджи! Люди не поймут всей горечи Пряничных пиршеств, едва не сгубивших кэров, зато откровенно человеческая эпоха Угля будет неприятна тем, кто возмущён потребительским отношением к природе. Писать историю для читателей такого пёстрого города – целое испытание!

Я встал с диванчика, и прошёл туда-сюда пару кругов, выполняя дыхательное упражнение. Кажется, у меня голова пошла кругом от переизбытка впечатлений! Атмосфера Библиотеки позволяла впитывать все знания, но не в таких объёмах.

Ещё одна причина, по которой Театрум стал настолько популярен, это правило Библиотеки: её стены не должна покидать ни одна страница. Всем гостям и жителям Руара было дозволено читать книги, сколько душе угодно, но только внутри стен их обиталища. С другой

⁶ Эпоха Короны – довольно большой промежуток времени, когда этим миром правили королевские династии. Конец эпохи Короны привёл к тому, что в большинстве цивилизованных уголков мира расцвела меритократия, т.е. власть перешла в руки самых достойных представителей общества. Однако вампиры и люди до сих пор трепетно относятся к знати.

стороны, это было хорошо: уникальная атмосфера, и, кажется, магия времени, позволили мне потратить на изучение всего лишь день. Позже я прикинул объёмы прочитанного, и пришёл к выводу: в обычных условиях, я бы осилил такой объём не меньше, чем за три-четыре дня. Ого! Ради такого эффекта я готов приходить в Библиотеку снова и снова! На мой вопрос «есть ли здесь лампочка из театра», ответа я не получил. Впрочем, думаю, магия этого места поддерживалась самым скоплением книг; в таких количествах они способны на многое.

Домой я пришёл опьяневшим от переизбытка информации, уставшим, но очень счастливым! Едва добравшись до дверей квартиры, я сбросил жилет, и рухнул на кровать, раскинув руки; мягкий домашний уют укутал меня приятным шарфом, и подарил именно те сны, какие нужны после посещения библиотек – простые, незначительные, но оставляющие приятное чувство отдыха.

С утра я был бодр и свеж, как огурчик, так что поприветствовал новый день улыбкой, и приступил к обдумыванию своей будущей повести.

– Ку-ку! Альберт, ты там живой, или как? – раздался голос Тива. От неожиданности я вздрогнул, и открыл глаза. Синеволосый парень теребил свой галстук, завязанный причудливым узлом, и всматривался в моё лицо. – Ага, живой. Слушай, может, хоть ты мне объяснишь?

– Доброе утро, Тив! А что объяснить? – моё чудесное настроение просило поделиться с кем-то хоть позитивом, хоть знаниями!

– Вот что вы за чудики такие, «кэры»?

Вопрос несправедливый; до сих пор хватает мест, где драконов едва ли не к животным причисляют, а сама концепция кэрского мировоззрения им кажется непостижимой.

– Могу рассказать, но что тебя интересует в первую очередь? – уточнил я.

– Да всё! Вы же, блин, ДРАКОНЫ! А живёте как люди! Просил тут Сонга огнём дыхнуть, он зажигалку достал, мол «так удобнее»! – Тив раздражённо фыркнул, а я только руками развёл. И где Сонг не прав? – Летать тоже умеете, ведь да?!

– Умеем.

– Так почему тот же Сонг на карете гоняет?! Будь у меня крылья, я бы только так и перемещался! Короче, я вас не понимаю. Совсем как своё задание.

– А что тебе задали написать? Поделишься опытом? – мне пришла в голову идея: узнать, каким образом к своему экзамену подошёл Тив.

– Типа списать хочешь? – мой собеседник радостно заржал, а я смутился. Прежде, чем я успел убедить, что меня не так поняли, Тив добавил: – Да ладно, шучу я так. Но знаю однозначно классный способ получить вдохновение на что угодно! Пошли, расскажешь мне про кэров, а я тебе про место, об которое круто вдохновляться! Кстати, а будь я сам кэром, то какого цвета?..

За время, пока мы шли по улице, я успел рассказать многое, о чём умолчал мсье ла Дахар, видимо, утомлённый любопытством Тива настолько, что присущая кэрам любовь к наставничеству была задавлена усталостью от беседы. Наградой мне стала одна из самых необычных кофеен. Потолочные витражи создавали чудесное освещение внутри, а крыша из зонтиков над летним кафе дополняла картину самым необычным образом. С возгласом «Пр-рошу!», передо мной распахнули дверь, а затем подтолкнули навстречу гастрономическим приключениям.

Посетителей было не так много, но персонала в кофейне не наблюдалось вовсе, в привычном понимании: здесь всем заправляли заколдованные кофейники, которые летали вокруг с мелодичным свистом. Удивительно, но свист пары десятков кофейников не превращался в какофонию, а походил на зачарованный оркестр, гармонично игравший шесть разных мелодий одновременно, ничуть друг другу не мешая. Причиной этой невероятной гармонии, вероятно, была лампочка: знакомый золотой свет мерцал из фонаря над песчаной жаровней.

– Класс, правда?! – Тив снова потрянул меня за локоть. Интересно было бы почитать его книгу: упоминает ли он в ней свои странные словечки, и что на это говорят театралы? – Вот это я и называю Вдохновение! Прикинь, здесь вообще персонала нет, только кофейники эти свистящие!

Я снова оглядел это место, и шепнул простой сканирующий заговор. Мои глаза на мгновение блеснули жёлтым, что тоже сопровождалось удивлённым возгласом компаньона.

– На самом деле есть, просто хозяин этого места очень любит фокусы... и полтергейстов. – улыбнулся я. Тайна летающих кофейников оказалась элементарной!

– Тут призраки, что ли?! – испугался Тив, и напряжённо посмотрел на просвистевший над нами антикварный чайник из чёрного серебра.

– Полтергейст – это заклинание такое. Зачаровываешь вещь, и она выполняет всё, что требуется. Очень простой фокус, ты тоже так сможешь!

– Вот ещё, руки не отвالتها что-то самому сделать! – Тив настолько переборщил с равнодушием, что я понял: мой новый приятель магией не обладал, чему был не очень рад. Чтобы сменить тему, он помахал рукой, привлекая внимание «официанта».

– Альберт, ты просто обязан это попробовать! Самая вкусная штука во всём Руаре!

К нам подлетел новенький ярко-рыжий кофейник, и вопросительно кивнул: каким будет наш заказ?

– Значит так! Нам нужны две двойные порции такой штуки, которая розовая и шипучая! Понятно? – Тив лучезарно улыбнулся своему отражению в лакированной крышке кофейника, приоткрытой, словно рот удивлённого человека. – Они всё равно понимают, не бери в голову! Ещё ни разу не ошиблись, а я сюда каждый день хожу!

«Розовая и шипучая штука» оказалась нежнейшим суфле, приятно трещащим во рту. За ней была «Та маленькая ерунда с цукатами», и завершило это пиршество сладкоежки поедание «булочек с чем-то кислым, что глаза в кучку собираются». Положив в нутро кофейника-кассира пару шёлковых денежных лент, Тив посмотрел на меня взглядом человека, только что решившего все мои проблемы. Я ответил честно:

– Спасибо, Тив, это было вкусно, и очень сладко! Но вдохновения мне это не придало.

– Значит, пойдём дальше! Смотри, здесь куда ни пойдёшь, всюду что-нибудь прикольное находишь! Ух... вот что, пошли быстрее, у меня руки чешутся показать тебе здешний паром!

Сладости внутри меня дали понять, что тоже готовы рассмотреть паром получше.

– После такого плотного завтрака на паром? А не укачает?

– Не будь занудой, это не прикольно! Пошли-пошли, там специальные кресла есть, кого укачивает, тебе точно понравится! Качают в обратном направлении, эффект потрясающий!

Я понял, что влип ещё больше, чем когда встретил директорский состав Театрума. В глазах Тива я видел весёлое безумие человека, поставившего перед собой цель показать мне всё самое замечательное, что есть в городе... с его точки зрения, разумеется.

– Тив, скажи, пожалуйста, а как ты сам писал свою первую повесть для Театрума? О чём она была? – Я решил обойтись малой кровью, и узнать главное сразу, а не спустя ещё несколько прогулок. Экскурсии – это хорошо, но на них будет время, а сейчас мне хотелось поработать! Неделя на повесть – это очень мало!

– Как-как, а вот так и делал! Гулял по городу, с которого мне крышу сорвало, а потом РАЗ! Искра, буря, макароны!

– Макароны, что?! – всё больше меня посещала мысль, что мой новый знакомый действительно безумен.

– Вот и Мика такая же была, даже глаза так же вытаращила! У меня теперь программа осталась, довести ещё и Басилию. Ну, мне и сказали, мол, не мучайся, с твоими замашками тебе по городу курьером бегать самое то будет! Так что я свой первый рассказ не написал, но всё равно доволен!

Я прикрыл лицо руками, стараясь не сорваться на этого балабола. Почему он мне сразу не сказал, что не знает, как помочь? Или ему слишком скучно?! Кажется, поедание сладостей в таком количестве моему характеру на пользу не пошло. Совсем как в прериях Рах-Кхая, но уруки от драки лишь прониклись ко мне уважением. Здесь был более цивилизованный субъект. Наверное.

– Ну, слушай, ты же сам говоришь, круто в квартире мэтра было, а вдруг тебе там разрешат вообще поселиться?! Наколдуешь усы, морщины, лучше настоящего Албиони будешь!

Ещё одна попытка не сорваться. В глубине души я понимал, что Тив по-своему, но хочет помочь мне. Просто у нас с ним разное понимание решения моей задачи. Каникулы среди шумных уруков сменились воспоминаниями об умиротворяющем запахе эльфийского ладана. Глубокий вдох, глубокий выдох. Может, таким было видение счастья этого синеволосого оборота, не обременяющего себя тяжёлой умственной работой...

Спорить с тем, кто просто получает от этого адреналин – бессмысленно. В то же время я не хотел ссориться с одним из первых знакомых в Театруме! Раз я не мог грубо отправить Тива «заниматься своим делом», как это делали наши начальники, я стал придумывать способ сбежать от курьера, пока тот не втянул меня в неприятную историю.

– Тив, я был бы рад пообщаться, но у меня сегодня ещё очень важное дело запланировано, давай позже? – жалобно попросил я.

– Отличненько! Сейчас я тебя провожу до этого важного дела, а потом сам по своим побегу! – бодро отозвался курьер, – Пошли, я знаю короткую дорогу!

Не знаю, КУДА меня привела бы «короткая дорога» к месту, моих выдуманных «важных дел», и не хочу знать! Как и не хочу знать, на какой минуте меня, смеха ради, уронят с моста, обрадовав новостью, что «теперь мне точно позволят не заморачиваться с этим экзаменом!»! Поэтому я просто рванул к ближайшей двери, и провалился в стихийный дверной портал. Как я надеялся, что Тив не сможет последовать за мной!

Глава 3.

Классический стихийный (или случайный) портал опасен тем, что можно выйти где-нибудь в непроходимом лесу, или вообще оказаться замурованным в затонувших руинах, но любимые мной дверные порталы сводят подобные ошибки к нулю. Входом и выходом является, как легко догадаться, дверь, так что вышел я из небольшого покосившегося сарая, расположенного где-то в тропиках. Само же нехитрое помещение было покрыто облупившейся краской, и пахло... неприятно.

Я решил проверить свою догадку, заглянул в сарай, и поспешно захлопнул дверь: это был НЕ сарай! Почему моей точкой выхода стало именно ЭТО место?! Отойдя от чьего-то тайника с перегонным аппаратом, я понадеялся, что не наткнулся на его владельца.

Главная проблема пользования стихийными дверными порталами – неспособность к магии на некоторое время. Всего лишь на пару часов, но за это время мне стоило убедиться, что я не попал в край, откуда лучше быстрее уносить ноги; в опасные места меня тоже заносило не раз, но мне всегда хватало удачи, чтобы избегать неприятностей.

Отойдя подальше от злополучного тайника, я снял пальто и жилетку: здесь было слишком жарко, особенно после прохладного и комфортного Руара! В остальном деревушка ещё меньше походила на дружелюбный город. Небольшие дома из крашенных досок, покрытые грязной соломой, выглядели неряшливо; песок и грязь моментально забрались в ботинки, а немногочисленные загорелые аборигены молча и недружелюбно сверлили меня взглядами исподлобья. Светловолосые, покрытые татуировками от шей до пяток; память подсказала, что это – одно из племён Солнечных островов, и мне лучше покинуть это поселение. Даже выпустить крылья и улететь, как пять лет назад, было бы не худшим вариантом, не будь магического паралича!

Вместо сытого дружелюбия Руара, я чувствовал молчаливую настороженность, и это не очень приятно, но мне нужно было узнать примерное местоположение. На южных островах мне стоило бы восстановить силы на берегу моря, подальше от летучих пауков, но на севере лучше укрыться в пещере, дабы потом не лечить больную голову, отравленную парами серных скатов. Ориентиров решительно не хватало.

Для решения этого вопроса мне, к сожалению, пришлось рискнуть, и обратиться к местным, понадеявшись, что я не нанесу случайного оскорбления своим любопытством.

– Простите, вы не подскажете, что это за остров? – спросил я прохожего, но от меня отшатнулись, и убежали. Типичное поведение туземцев, наверное.

Несколько неудачных попыток наладить контакт с неразговорчивыми островитянами, расстроили меня окончательно. Но напряжение окружающих резко стихло, и меня это не порадовало: на чужака нашлась управа, и сейчас меня будут выталкивать из родных краёв... лишь бы не в загробный мир. «Управа» пришла в лице хмурого, обманчиво тощего островитянина с соломенного цвета гривой, и пугающе спокойным взглядом. Положение тот занял грамотное: и напрыгнуть, и спрятаться, да и рука словно невзначай рядом с зазубренным кинжалом. Раны от такого очень болезненны.

– Кто таков? Откуда? – отрывисто бросил напряжённый туземец, и уставился на меня немигающим взглядом янтарных глаз.

– Меня зовут Альберт, я пришёл сюда... случайно. Скоро уйду, но мне нужно понять, где я. – таким был мой ответ. Признаваться, что я сбежал от надоедливой знакомой, я не стал, хотя стоило бы: моя заминка вызвала перемену позы на более удобную для нападения.

– Что натворил? Признавайся! – язык островитян был очень простым для понимания, но мне оставалось грамотно ответить. Если я не расскажу свою историю, как её ждёт туземец, то будет драка. Подраться из-за недопонимания с аборигенами – позор для путешественника. Да и... в человеческом теле я всегда был плохим бойцом!

– Спасался. Друг приставал, побоялся возразить. Сбежал сюда, магией.

Кажется, я правильно скопировал говор своего собеседника; мой не самый информативный ответ заставил его успокоиться.

– Не врѣшь, хорошо. Тену! Страж. – островитянин приветственным жестом прижал ладонь к своей шее.

– Альберт! – я ответил аналогичным образом. Страж окончательно успокоился, а молчаливые селяне разошлись: к их разочарованию, представление отменилось.

Конечно, это было нормально: не в каждом уголке мира рады гостям, и даже опытные путешественники не станут лезть без приглашения в некоторые края. Последнее время я расслабился, путешествуя исключительно по приятным и живописным краям, где иностранца встречают с распростѣртыми объятиями, и отвык от такого отношения.

Тену объяснил мне, что чужакам в деревне дозволено находиться, только если они пришли к родне, или хотят войти в племя. Остальных не пускают дальше гостевого дома, а моѣ шатание по улицам было воспринято почти нападением. Эти правила ещѣ больше вогнали меня в краску: не опознать сразу поселение меридов – потомков русалок! Отсюда и рубленные фразы, и грубоватая манера речи: изящество морских голосов предназначено только для подводного общения, а над водой их настолько раздражает собственное звучание, что многие вовсе дают добровольный обет молчания! Чистокровных русалок не осталось, но их потомки давно извлекли выгоду из своего происхождения – обмануть мериду, используя устную речь, невозможно.

Мы расположились в гостевой хижине, где мне преподнесли приветственное угощение: напиток из морских фруктов⁷. С грустью я вспомнил недавний сладкий завтрак в Руаре! Тену не стал спрашивать моѣ мнение об этом жутком вареве, зато спросил, как я оказался в городе, и не ждать ли проблем. Удовлетворившись моим рассказом, страж оплатил тем же: поведал о Деревне. Просто Деревне: нехитрый уклад жизни аборигенов Солнечных островов легко разделяет весь мир на «Дом», «Соседей» и «Чужаков», но всех это устраивает. Большинство островитян и вовсе не знают о цивилизованном мире, считая пришельцев добрыми и злыми духами. За разговором я почувствовал, что у меня хватает сил открыть дверной портал в Руар, но я заинтересовался здешними порядками.

– Глупый помощник – плохо. Скажи заткнуться! – посоветовал Тену на прощание. – Или ударь! Не терпи.

– Может, и глупо, но я не смог. Он помочь хотел, пусть и по-своему.

– Зачем помочь? – страж заинтересовался: видимо, в глазах защитника Деревни я был существом, не нуждающемся в чьей-либо помощи.

– Должен придумать рассказ. Такую работу задали. А что рассказать – не знаю. Слишком много идей!

Тену поскрѣб щѣку, и склонил голову на бок.

– Смотри вокруг! Видишь и рассказываешь! Всѣ просто. – сказал он таким тоном, словно я придумал себе проблему из ничего. Его не улыбочивое лицо с хищным прищуром выдало гримасу вполне человеческого непонимания.

– Рассказ должен быть о прошлом. Не выдумка, а бывшее. И героиня! Боюсь, что не смогу рассказать от лица девушки. Наконец, эта история должна закончиться трагически, но так, чтобы это понравилось читателям, понимаешь?

Тену снова помотал головой.

– Просто говори. Смотри вокруг и говори.

⁷ Мидии, отваренные в маринаде из кислого фруктового самогона, довольно скверно приготовленные. Даже сами мериды вряд ли назовут этот напиток вкусным, но он хорошо передаѣт спектр эмоций от незванного гостя-чужака.

В какой-то момент я подумал, что зря спорю с представителем племени, в котором и письменности-то не существует, но до меня дошло, что хотел сказать страж. История Солнечных островов напоминает калейдоскоп: каждый остров содержит невероятное количество историй, которые хранятся лишь в головах простоватых островитян. Отгородившиеся от остального мира, каждый из островов был не меньшим сокровищем. Когда-то подобные жемчужины и сподвигли меня странствовать от города к городу, не задерживаясь нигде надолго.

Эпоха Пороха – очень красивое время, о котором слишком мало пишут литераторы, и делают большую ошибку! Посетив края, что пронесли с собой частичку древности в сегодняшний день, я мог рассказать многое, и... даже простор для фантазии у меня имелся!

– Тену, ты знаешь истории о пиратах, которые приплывали сюда две тысячи лет назад?

– Нет, – предсказуемо ответил страж, и дополнил: – Шаман знает. Расскажет. Только молчи! Так надо.

Я понимающе кивнул: говорить в присутствии шаманов-меридов разрешено только узкому кругу знакомых. К счастью, Тену оказался младшим учеником шамана, который не только рассказал предания о пиратах, но и благословил меня на прощание. Призвав на помощь все свои знания о традициях меридов, я смог произвести на хранителя духа племени такое впечатление, что мне было разрешено приходить сюда ещё. Своим здесь я, может, никогда не стану, но буду тем гостем, который «однажды принесёт добро», как сказал мудрый старик. Это единственная фраза, которую мне было дозволено процитировать за пределами Деревни. А жаль: в грубых, рубленых фразах меридов было неповторимое очарование!

Ещё раз окинув взглядом неприветливый жаркий остров, я грустно вздохнул: когда-то я был счастлив попасть в подобное место, изучить новую культуру, и добиться статуса друга! Сейчас же я чувствовал лишь усталость, и горячее желание вернуться в цивилизацию, в спокойную жизнь, и наблюдать островной колорит на дистанции, или вовсе со страниц книг.

– Не споткнись. – попрощался Тену, всё ещё не веривший, что для выхода мне достаточно постучать по двери, и шагнуть в неизвестность. Через пару секунд я снова наслаждался прохладным весенним руарским ветерком!

Квартира театрмейстера не пустовала: в кресле-качалке мэтра сидел Тив, с выражением лица человека, приговорённого к казни. Увидев меня, он вскочил, едва не опрокинув кресло, и завопил на весь театр:

– Альберт, друг, ну куда ты так внезапно пропал?! Я думал, мне каюк! Весь город оббежал, даже во! – Тив ткнул пальцем себе в свежий синяк на скуле, чудом не попав в глаз. – Специально не сводил, это я так с лестницы наверхнулся!

– Тив, постой. – остановил я поток эмоций. – Прости за прямоту, но почему ты сам не займёшься творчеством? Что тебе такого задали, что ты ушёл в курьеры?

– Да не помню уже, а причём это?

– При том, что ты не в себе. Тебе сосредоточиться надо. Обратись к целителю, чтобы тот помог прояснить разум.

– Так витиевато шизиком меня ещё не называли, – обиженно пробурчал курьер. – Ладно, не бери в голову. Пошли дальше вдохновение искать?

– Нет, мне нужно работать. – спокойно, но твёрдо сказал я. Тив обиженно посмотрел на меня, и покинул комнату. Кажется, мне надо больше общаться с живыми людьми. В особенности с такими странными, чтобы их понимать!

Наметив план будущего рассказа в блокноте, я сел за рабочий стол Албиони, и подвинул к себе печатную машинку. Круглые кнопки приятно отдавали прохладой, молоточки выстукивали буквы, а золотой свет лампочки позволял сосредоточиться на этом, и только на этом. Набросав первый черновик, я лёг спать довольным.

Следующие пару дней прошли почти без отрыва от работы: вдохновение подхватило меня, и я почти не отвлекался от пишущей машинки, переживая каждое событие рядом со своей героиней. Тив пытался сунуть нос в мои дела, но выглядел я, похоже, достаточно занятым, чтобы желание отвлекать меня отпало. К вечеру я вспомнил, что не съел за день ни крошки; поход в кофейню был бы лишним, но в холодильнике обнаружился свежий сырный пирог, так что моё творческое затворничество прошло, в высшей степени, приятно.

Сюжет книги сложился почти идеальным, настолько я погрузился в дела минувших дней. Я словно был там, даже без историка-медиума! Перенёсся в прошлое, где следовал за героиней, вознамерившейся уничтожить Бражника – последнего пиратского барона в истории. На самом деле, у него почти получилось возродить пиратство: никакие богатеи, никакие свирепые мясники и рядом не стояли с тихим пожилым мастером-самогонщиком, снабжавшим морских разбойников ценным ромом! Что поделатъ, в те времена последние маги отказались очищать пиратам пресную воду, оставив морских бандитов наедине со старым проверенным способом.

Образ Бражника давно известен любому историку, а вот наделить одну из безымянных островитянок сильным характером, непростой судьбой, и чудесным даром, оказалось делом приятным! Длинные волосы, не традиционно-соломенные, а рыжие, летящее белое платье для прогулок по суше, и совершенно внезапные магические способности. На самом деле, типичная ошибка выжившего – считать русалочий род искушённым лишь в магии воды и колдовских Песнях. Сила этой русалки была в умении общаться с Вулканом, которого она почитала, как родного отца. Историки подтвердят: русалки были способны к магии стихий, просто Океан был для них ближе и роднее.

Спустя три дня я понял, что превращаюсь в «экспонат», настолько меня захватила история. Даже с мастером-историком я поздоровался в полном соответствии с этикетом детей Океана – приложив ладонь к своему горлу.

– С возвращением в мир живых, Альберт. В какой-то момент мне показалась, что квартира мэтра действует на вас слишком умиротворяюще! – произнёс Базилио, забирая у меня рукопись. – Как самочувствие? Надеюсь, вас не тянет остаться под светом лампочки навсегда?

Я прислушался к своему организму: на самом деле, обстановка более чем располагающая к работе! То, что в нормальных условиях я мог не написать за неделю, мне удалось осилить за три дня. Готов ли я на затворничество в таких условиях? Вполне.

– Было бы неплохо, но я не хотел бы отказываться от своего желания познакомиться с Руаром, и его жителями!

Историк одобрительно кивнул.

– Это правильно. История, литература... всё это мертво, если отдалиться от тех, ради кого они существуют! Скажите честно, это не вы ли собираетесь обосновываться в доме одной сребровласой цветочницы?

– Цветочница? Аврора ди Талиэн? Да, мы с ней уже договорились, а что? – я удивился тому, откуда Базилио знает этот факт, а мой собеседник довольно хлопнул в ладоши, и довольно улыбнулся.

– Наконец-то у меня будет нормальный сосед! Мы с сыном живём в доме напротив, и я рассчитываю, что вы нанесёте визит вежливости, чтобы повлиять на Сэмюэля самым благим образом! Когда-нибудь он поймёт, что бороться со своей природой – бессмысленное занятие!

– Попробую с ним подружиться! А в чём проблема? В его хобби?

Шартиец махнул рукой, и смущённо рассмеялся.

– Боги с ним, с хобби! Этот вредный мальчишка устроил уже три пожара в городе! Готовит он чудесно, но на огне же! Даже если я куплю каждому руарцу по магической печи, он специально разведёт костёр, чтобы пожарить шашлык на углях!

Здесь я был солидарен с Басилио: город всего лишь пятьдесят лет назад пережил страшный пожар, спалившим почти весь Руар, включая знаменитый театр. Конечно, сейчас город отстроили, но близость шартийцев превращает даже простую свечку в беснующуюся саламандру, чего уж говорить об огненной печи. Лишний раз нервировать тех, на чьей памяти случилось то жуткое событие, было плохой идеей, даже для сооснователя Театрума.

Рори встретила меня с не меньшей теплотой, чем ласковое весеннее солнце.

– Вы же меня ждали, верно? Я не прервал ваше странствие? – улыбнулся я девушке. Вопрос был риторическим, поскольку в руках цветочница держала стеклянный шарик, внутри которого рос в замкнутой экосистеме крошечный кустик из очаровательных белых и голубых бутонов.

– Я знала, что вы придёте сразу, когда ремонт закончится! А это подарок. Такой цветок никогда не завянет, и сам о себе позаботится, только следите, чтобы он стоял на солнечном подоконнике.

Я аккуратно взял необычный подарок; редкие флористы делают такое, настолько сложно сохранить жизнь в стеклянном шарике, не обрекая на мучения. Если девушка знает секрет этого ремесла, то она, должно быть, лучшая цветочница в Руаре!

– Не желаете отпраздновать новоселье за чашкой горного чая? – предложила она.

– Настоящий горный чай? – я мечтательно улыбнулся, предвкушая приятное расслабленное состояние, которое дарит традиционный чай горцев Вельена. Леди Рори кивнула, и мы направились в сторону моего будущего жилища.

Тёмно-зелёные обои и сдержанный минимализм помещения мне понравились, о чём я и сообщил хозяйке, вызвав ещё одну благодарную улыбку, а чай, принесённый в небольшом серебряном чайничке, превратил вечер в праздник. В отличие от грубого пиратского пойла, четырнадцать горных трав и ложка масла из молока яка прогоняют любую усталость, физическую или душевную.

Чем ещё хорош горный чай – он здорово проясняет разум. Неприятное послевкусие от Деревни смыло, как дорожную грязь, и я решил спросить о том, что давно вертелось на языке.

– Скажите, Рори, а куда вы хотели бы отправиться в своё грядущее странствие?

Девушка отвела взгляд, но тихо призналась:

– Не знаю. Мне хотелось бы снова побывать в горах. Только не Вельенских, а... других. Альберт, вы... ты умеешь летать?

От того, что девушка перешла на «ты», мне стало светлее на сердце, и я наградил смелость тихони Рори честным ответом:

– Умею, но очень давно не практиковался.

– Почему? – снова взгляд человека, наслышанного о драконах, но не знакомого с кэрской философией.

– Мне всегда казалось, что дороги лучше пересекать пешком, либо на колёсах. Моря – на кораблях, а если пункт назначения находится ещё дальше – то взять альпинистские крючья, и прочувствовать дорогу во всей своей красе. Такое восхождение даёт больше радости, чем полёт. – я подумал, и добавил неохотно: – А ещё в этом слабость кэров: мы очень страдаем от отсутствия неба в нашей жизни, поэтому не летаем без крайней необходимости.

Девушка прикрыла рот ладошкой.

– И даже на дирижабле?

Я задумался.

– Нет, дирижабль – это другое дело. Почти как пароход, только по воздуху, удивительное человеческое изобретение!

– Говорят, Ландиниум – чудесное государство! Дирижабли, масляные фонари, и почти никакой магии. – мечтательно проговорила девушка, мысленно отправившись на улочки этой горной человеческой страны, окутанной туманом и смогом.

– Если пожелаешь, я могу открыть для тебя портал туда, хоть сейчас! – предложил я. – Знаю чудесный постоялый двор в Виктории, столице Ландиниума!

Девушка грустно вздохнула, и отвела взгляд.

– Не стоит. Это просто мечты. Я не смогу жить в городе, где не осталось ни одного растения. Я тоже, в какой-то степени, как цветок. А мечта... она и должна быть такой. Несбыточной.

– Тогда что насчёт светлых лесов Герны? – предложил я другой вариант. – Заклинательницы сов, дриады-мыслеплёты, и терновые водопады среди домов на деревьях-гигантах! Твою любовь к растениям оценят куда больше, чем в любом другом городе!

Эльфийские города, похоже, привлекали Аврору не меньше, но её личико опять покрыла тень мучительного сомнения.

– Нет. Такое путешествие нельзя начинать с порталов... да и с полётов тоже.

– Могу открыть портал в деревушку цвергов в паре дней пути. Присоединишься к каравану, и проведёшь время в умеренно-комфортной поездке на лошади. – я снова предложил решение ситуации: не так сложно его найти, когда обошёл почти весь мир! Но леди ди Талиэн почему-то не хотела соглашаться.

– Если есть какая-то причина задерживаться в Руаре, я обещаю, что не буду настаивать на путешествиях. – сказал я, мысленно извиняясь за настойчивость. – Ты боишься за растения?

– Нет-нет! Они будут жить, даже если я никогда не вернусь в Руар! Весь мой дом такой же, как и эти шарики! – изящный пальчик Авроры указал на подарок. – Мох никогда не пожелтеет, плющ не разрастётся, а вьюнок будет расцветать каждое полнолуние.

– А что тогда? – я никак не мог понять причину, по которой леди ди Талиэн не могла начать своё путешествие. Она, кажется, тоже.

– Прости, Альберт, наверное, я просто сама не готова ответить на вопрос, чего я хочу. – сказала, наконец, девушка, и вышла из-за стола. – Арендную плату буду просить раз в полгода, сразу после цветов лисоцвета. По любым вопросам не стесняйся обращаться, это очень дружелюбный город, здесь все друг другу помогают. И ты тоже помоги, если кому-то понадобится твоя помощь.

Помогу. Обещаю.

Итак, у меня появился свой дом, который, согласно договору, я получу в пользование всего лишь за семьдесят лет проживания, но уже сейчас могу считать его своим: здесь было не менее уютно, чем в квартире-экспонате, пусть и без волшебной лампочки. Едва заметный запах серы – вечный спутник огня, раззадоренного шартийцем – почти выветрился с кухни, и вовсе не ощущался на втором этаже. Минимализм отремонтированного помещения настраивал на очень хорошую мысль – о перемене интерьера под мои вкусы. Растягивая на ходу иллюзии-макеты, я уже начал примерять другие цвета обоев, подменил диван на пару уютных кресел, и посмотрел, будут ли здесь играть тяжёлые шторы, как в театре.

Уже завтра я узнаю решение сооснователей Театрума по поводу моей повести, но мысленно я вернулся в жаркую и дикую Деревню. Неприятное послевкусие от места, которое посчитал бы хорошим всего лишь каких-то тридцать лет назад, окончательно убедило меня в простой истине: моё странствие подошло к концу, а впереди начинается оседлая жизнь, уже не Путешественника, а Писателя. Писателя, проживающего в славном городе Руаре...

Глава 4.

Келина снова бросила полный ненависти взгляд в сторону сожжённой деревни. Голово-резезы Чарлея Честного потрудились на славу: в живых не осталось никого. Что раскололо сердце девушки сильнее: кострище на месте дома старой матушки Кадаты, или же обезглавленный Кибо, унёсший с собой в могилу шестерых пиратов прежде, чем встретил свой конец? Злые слёзы капали из глаз девушки прямо на бурый от крови и пепла песок.

– Что ты будешь делать теперь, Кела? – спросил её Унахи.

– Деревня сожжена дотла, не пощадил даже детей. Мне больше нет причин искать мира с сухопутцами, Унахи. – почти прошептала Келина. – Они заплатят за это своими жизнями. Все, до последнего.

– У Бражника слишком много людей, что ты хочешь сделать? Они осквернили наши тотемы, Океан не ответит на наш зов.

Русалка посмотрела на одноногого рыбака, вылечившего её раны после плена у головорезов Честного. Того самого Чарлея Честного, что обещал беднякам мир, а потом предал, как только они сложили оружие! Устроившими вертеп из священных пещер, и теперь стремительно вырубаящими всю южную часть острова, чтобы поставить там свою базу!

– Когда-то, на утренней звезде, у Нани родилась девочка, что пела песни Океану. Повзрослев, эта девочка узнала, что безымянный рыбак, проходивший мимо дома Нани, был не простым рыбаком. Океан больше не отзовется на наши молитвы, но смыть прах пиратских пожаров можно только прахом пиратских тел.

Унахи бледнел, наблюдая, как золотистые волосы Келины Ма'напи, дочери Нани, становятся алыми, словно языки пламени. Девушка повернулась к рыбаку: её глаза тоже пылали огнём.

– Клянусь своей кровью, и кровью своих предков, я не успокоюсь, пока не увижу смерть Чарлея Честного, предателя доверившихся.

Келина подбежала к обрыву, и над островом раздался крик, в который девушка вложила всю свою душу:

– Отец, взываю к твоей ярости!

Раскатистый грохот потряс остров, и Спящий Старик наконец-то проснулся. Случилось то, чего боялись шаманы: остров будет сожжён, но таопи были мертвы, и не видели, как огненный язык лавы слизывает паникующих пиратов...

– **Выдержка из повести «Дочь Вулкана»**

История русалки Келины настолько поглотила меня, что я до сих пор переживал события, своей истории. Я утратил чувство реальности, совсем как Мудрецы, что отрешались от всего земного, пребывая в вечном разговоре с Небом.

Вместе с наивной Келиной, я радовался бородатым пиратам, что привезли детишкам стеклянные бусы, ведь пока не подозревал об истинной причине этой щедрости. Ужасался машинам, превращающим воду в «дурманый яд», за который пираты прославляли своего вождя Бражника. Пока Кибо признавался русалке в любви, я деликатно отходил в сторону, чтобы дать соединённым Океаном побыть наедине. Плакал вместе с Келиной над могилой возлюбленного, убитого злодеями. Чувство праведной мести переполняло меня, когда подводные вулканы просыпались прямо под Паровой Машиной – плавучей цитаделью Бражника! И злился, что дьявольский гений пиратского барона сделал свою посудину такой непотопляемой! Наконец, я пребывал в бесконечном напряжении, когда Келина, преодолевая боль от кортика юнги, пыталась нанести Чарлею Честному смертельный удар, и... всё же нанесла. Самый ковар-

ный и бессердечный полководец Бражника был убит отважной воительницей, и только тогда её душа смогла покинуть измождённое тело. Келина умерла, как героиня, отомстив за всех таопи!

Пребывая мыслями на Солнечных островах конца эпохи Пороха, я пытался вернуться то к вчерашней беседе с Рори, то к современным реалиям. О том, что сегодня стоит нанести визит вежливости ещё двум соседям, я также старался помнить.

Басилио стоял на пороге своего дома, облачённый в жёлтый домашний халат, диковинно сочетавшийся с красным цветом кожи. Увидев меня, он также отсалютовал мне, в соответствии с традициями таопи. Внутри приятно потеплело: мою рукопись прочитали, и соседу она тоже запала в душу!

– Чудесная повесть, пусть и не без изъянов, Альберт! – сообщил он, когда я поделился своими мыслями. – Это против правил, но я настоял, чтобы она появилась в сегодняшнем выпуске Театрума! Вне очереди!

– Спасибо большое, Басилио! А что в ней не так? – мне стало интересно, где я, по мнению историка, просчитался. В конце концов, я путешественник, а не учёный, и могу быть неточным! Басилио начал показательно загибать пальцы:

– Убийство Чарлея Честного давно зафиксировано, и Таопи здесь не при чём – раз! Мудрецы, цвет интеллигенции Таопи, у вас предстали в образе слабоумных сумасбродов – два!

– Погодите, мудрецы и были чудаками! – возразил я. – Мыслители-теоретики, которые могли многому научить своё племя, но решившие, будто это – ниже их достоинства!

Басилио укоризненно посмотрел на меня, и я дополнил:

– Простите, я слишком увлёкся своей историей, а Унахи был именно такого мнения о Мудрецах. Этот рыбак мне понравился, но он слишком далёк от Неба.

– Положим. Наконец, вы совершенно упускаете из виду русалочью магию. Келина – достаточно умная девочка, чтобы не устранять пиратов точно, а накрыть их Туманом, или, хотя бы, спеть песнь Жажды!

Туманом называлось излюбленное заклинание русалок, которым они превращали корабельные доски в гниль, а Жажда – вызывала непреодолимое желание погрузиться на как можно большую глубину. Но на это у меня был заготовлен ответ.

– Келина решила, что Океан больше не поможет ей, и все силы отдала ярости Вулкана. То, что она не бросилась в любовную атаку, было вершиной благоразумия с её стороны!

Басилио снова посмотрел на меня с уважением.

– Браво, Альберт. Умение отстаивать свою точку зрения – вот, что мне в вас нравится!

Здание Театрума сегодня было оживлённым, ведь проходил день экскурсий! Мсье ла Дахар, величественно вышагивающий перед толпой туристов, громко и чётко рассказывал порядок проведения «Пьесы о Братьях-Императорах», любимой истории ушедшего мэтра. В этот момент меня подловила Мика, подхватила под локоток, и увела прочь. В полумраке коридоров театра, глаза вампирши мерцали двумя рубинами.

– Альберт, я прочитала твою историю, и знаешь... ты смог создать чудесную героиню! Келина просто невероятна! – восхищённо прошептала Мика. – Поэтому я очень хотела бы попросить раскрыть мне немножко её секретов!

– Каких, к примеру? – я не сообразил, что от меня хочет мастер-секретарь, но та снова хитро огляделась по сторонам, и продолжила:

– Понятное дело, каких! Кибо, конечно, милашка, каждой девушке такого надо, но... Унахи, он же не просто её знакомый, верно? Будь Келина жива, могли бы они сойтись вместе?

Я облегчённо выдохнул: в начальнице проснулась жажда романтических секретов, оставленных между строк!

– Унахи нужна девушка поспокойнее, которая ждала бы его дома с рыбалки, а не дралась лучше него самого, и они оба это понимали.

– А... что насчёт Плаксы Роджера?

– Это даже не рассматривается, «сухопуты» вообще не могли заинтересовать Келину! – отрезал я. – И почему Роджер?

– Он самый красивый из всех пиратов, и не такой моральный урод. – Мика отвела взгляд, и слегка улыбнулась. Надеюсь, меня не заставят выполнять работу «бумажных сводников», и писать этот эпизод самому?

– Если бы пираты не имели перед собой цель вырезать всех таопи, у них мог бы быть шанс, верно. Но это противоречит историческим событиям. – отрезал я, умолчав о своей «поправке» к последнему бою Чарлея Честного. Кажется, я понимаю, почему Басилио и Мика настолько непримиримы в вопросе романтической литературы!

– Ну и ладно, сама напишу! – вампирша тонко хихикнула, потрепала меня по макушке, и танцующей походкой устремилась в кабинет. Дожидаясь конца экскурсии, я поднялся наверх, навестить квартиру хозяина театра, где провёл небольшой мозговой штурм. О чём я мог бы написать следующие истории? Солнечные острова до сих пор согревали мою душу, и требовали уравновесить мрачную историю чем-то весёлым и лёгким. А может, пойти навстречу Басилио, и написать повесть, которая выставит Мудрецов в благородном свете? Надо будет уточнить, как шартиец относится к альтернативной истории.

Через час освободился и третий «экзаменатор», готовый обсудить мою работу. Как я и предполагал, мсье ла Дахар очень хвалил сцену финальной битвы и драматичность гибели последней таопи, но пожеланий или критики он не высказал.

– С Басилио я согласен, «Дочь Вулкана» украсит готовящийся выпуск! Но потом можешь отдохнуть. У нас настолько много работ, что тебе придётся подождать неделю-две, Альберт. Максимум – три! Не переживай, небольшое жалование получают все, кто работает на Театрум, таковы правила! – лучезарно улыбнулся певец.

– Это радует, а что я буду делать остальное время, когда напишу новую повесть?

Чёрный кэр задумался, приложив палец к толстому подбородку, но нашёл решение:

– Пиши что-нибудь ещё! Стихи, романы, попробуй себя в живописи! Говорят, талантливый человек талантлив во всём! Наконец, можешь снова приходить в квартиру, за вдохновением. Когда лампочка довольна, театр привлекает особенно много посетителей! А у меня сегодня... о, боги, целых четыре экскурсии, и два концерта! Когда я столько успею, ха-ха!

Певец тепло рассмеялся и покинул квартиру, оставив меня наедине со своими мыслями. Промедитировав таким образом ещё пару часов, я сел за печатную машинку. Что помешает мне начать новую историю прямо сейчас? Правила Театрума были довольно мягкими; никто не думал гнать меня из квартиры-экспоната, а я, в свою очередь, был бы рад снова получить такой же заряд вдохновения, как пару дней назад. С этими мыслями я наметил несколько эпизодов из альтернативной истории Таопи, если бы они дожили до наших дней, сохранив свой нехитрый уклад.

Планы были расписаны до лета: работа, изучение Руара, налаживание добрых отношений с соседями, поиски идеального путешествия для леди Рори, и всё остальное, не менее важное. В ту ночь я думал, что так и будет, потому что был переполнен впечатлениями от свежего номера «Театрума», выделенный мне, как автору одной из повестей; остальной тираж разойдётся по книжным лавкам завтра на рассвете.

Руар настолько спокойный город, что здесь существует добрая традиция – не запирают на ночь двери, дабы не помешать войти счастью, блуждающему по ночным улицам. Когда я услышал хлопок двери внизу, я вспомнил о других, менее дружелюбных городах, а также недавнему

наплыву туристов. Поэтому спустился вниз, на всякий случай схватив с полки латунный жезл: таким даже тролля оглушить можно!

– Альберт, просыпайся! Нужна твоя помощь! – раздался снизу звонкий женский голос. Остатки сна слетели напрочь, я поправил халат, и выскочил в коридор. Можно ли считать ночную гостью «счастьем», я не успел понять.

В какой-то момент я решил, что сплю! В коридоре стояла невероятно колоритная и неожиданная для Руара леди. Грациозная юная девушка с ярко-алыми волосами, зачёсан-ными на островной манер. Белое платье ручной работы открывало босые ноги и сильные руки, покрытые причудливым узором татуировок. На шее висело ожерелье из вулканических стек-ляшек и ракушек – традиционное украшение русалок. И глаза: мерцающие в темноте, ярко-оранжевые, переполненные необузданной яростью. Моё сердце почти выпрыгнуло из груди: передо мной стояла Келина Ма'напи, Дочь Вулкана.

– Келина? Что случилось? – вырвалось у меня прежде, чем я сообразил, что выдуманная героиня оказалась в реальности, и требует помощи.

– Беда пришла в деревню, наступил час Мудрецу выйти из уединения, и воззвать к Небесам! – провозгласила русалка. «Начало четвёртой главы», – опознал я знакомую реплику. Кажется, меня перепутали с чудаковатым Або. Может, Унахи и не доверял витающим в обла-ках «детям Неба», но Келина была убеждена в непогрешимости чудаковатых отшельников.

Мысль, что Мика решила довести шутку до конца, и создала фантом, чтобы тот «поздра-вил» меня с дебютом среди ночи, я отмёл сразу, как слишком глупую. Даже Тив, умеи он создавать такие качественные иллюзии, не стал бы так глупо шутить. Просканировав девушку быстрым колдовским взглядом, я пришёл к выводу, что это – живая русалка, которая, к тому же, обладала явным даром к магии огня, а точнее – могла спровоцировать выход магмы в любом месте, породив вулкан. Чего я не желал, так это сгореть во время извержения внезапно проснувшегося вулкана в центре города! Нужно было что-то делать.

– Келина, передохни немного, расскажи, что случилось.

– Ратахай⁸! Альберт, не до разговоров, злодеи Чарлея Честного скоро будут здесь, они почти приплыли к островам Неба! – с этими словами Келина схватила меня за руку, и потащила из дома. Я не сопротивлялся: очень хотелось спать, но ещё хотелось убедиться, что следом за русалкой не появится «Черепносец», корабль вероломного пирата.

Ноги неприятно обжёг холод каменной плитки: бегать босиком весной по городским дорожкам – занятие не лучшее. К счастью, уже через квартал девушка остановилась, и расте-рянно огляделась.

– Это какое-то колдовство? Мы на Небе? – спросила она, рассматривая высокий камен-ный берег Стагны – реки, по обе стороны которой располагался город, совершенно не похожий на поселения эпохи Пороха.

– Не переживай, ма-нуа, – тихо попросил я, выцепив из памяти ласковое обращение к девушкам-таопи. – Давай вернёмся, и немного поговорим. Обещаю, что помогу тебе.

Келина посмотрела на меня, и мы пошли обратно. По дороге девушка с любопытством косилась на домики Руара, а на неё, в свою очередь, посматривали немногочисленные ночные прохожие: пау и вампиры.

– Альберт? – услышал я тихий, но знакомый голосок. Из приоткрытой двери на нас с Келиной смотрела Аврора, и... думаю, в её глазах, я превратился в законченного мерзавца! А что ещё можно было решить, если я был в одном халате, а рядом – полуодетая рыжеволосая красавица?! А наряды русалок всегда были... откровенны.

– Рори, это Келина, моя знакомая с Солнечных островов. Она прибыла только что, – сказал я как можно увереннее.

⁸ Умеренно-приличный экспрессивный возглас, распространённый среди воинов племени Таопи.

– Приятно познакомиться. – сказала леди ди Талиэн. Прозвучало вежливо, но ещё менее правдоподобно, чем моё объяснение. Небольшой заплечной мешок на плече девушки говорил, что очередная попытка начать странствие была уничтожена злым роком в лице Келины.

– Кто она такая? – непосредственно спросила меня русалка, а затем пристально взглядела в лицо Авроры. Невежливо, но для островитянки, жившей две тысячи лет назад, это было естественным!

– Келина, леди Аврора ди Талиэн – моя добрая подруга и соседка, пожалуйста, будь повежливее. – краснея со стыда, попросил я. – Аврора, пожалуйста, не принимай близко к сердцу, на Солнечных островах другие порядки!

– Ничего страшного, простите, Альберт, я просто подумала, вам была нужна помощь. – Аврора снова перешла на «вы» от впечатлений!

Слишком жестокая сцена для того, кто только приступил к знакомству с очаровательной, но очень стеснительной девушкой! Бедняжка захлопнула дверь, а я подумал, что падать мне дальше некуда. Надежды на близкие отношения рухнули, даже не начавшись.

– Дочери Неба такие странные. Она выходит когда-нибудь из своего уединения? – поинтересовалась Келина, склонив голову так же, как это делал Тену.

– Пыталась. Но, похоже, её судьба снова против, – проворчал я. – Как и моя тоже. Пошли, у меня уже ноги замёрзли, стоять на дороге.

На меня опять посмотрели с искренним удивлением: в глазах Келины, как и большинства Ма’напи, горцы не были способны испытывать такое «земное» чувство, как дискомфорт.

– Келина, нам нужно очень серьёзно поговорить. Прости, но это так! И тебе тоже нужна тёплая одежда, здесь не Солнечные острова!

Девушка ещё раз посмотрела на покрасневшие от холода ноги, на этот раз свои, и нехотя кивнула.

Осторожно, как впечатлительному ребёнку, я пытался объяснить Келине, что она может расслабиться, а пиратов больше не осталось. В горящих огнём глазах девушки я увидел борьбу: безошибочным чутьём мериды она не обладала, но вера в непогрешимость Мудрецов требовала верить моим словам, какими бы они ни были странными. В то же время, в груди воительницы бушевал вулкан ярости: подрагивающие пальцы и нахмуренные брови говорили о намерениях девушки не меньше, чем горящие глаза. Но в тёплую «небесную одежду» переделалась, уже умница.

– Келина, давай попробуем ещё раз, – попросил я, обновляя на себе заклинание отсроченной усталости. – Ты попала в другой мир, понимаешь? Здесь нет пиратов. Бражник был убит две тысячи приливов назад.

Русалка фыркнула, но бросила взгляд в окно, откуда виднелись вовсе не скалистые пейзажи острова Неба, а крыши городских домов.

– Ты мудр, Альберт. Я должна тебе верить, ведь твоими устами говорит само Небо. Но пришла пора покинуть горы, как завещали наши предки! Это и твои предки тоже! Если вы, Мудрецы, не возьметесь за дело сейчас, то в чём смысл всей вашей мудрости?!

Я стёр испарину со лба: не было у меня гарантии, что Келина не примет речной паром за пиратское судно, или не испугается какого-нибудь экзотического, по своим меркам, горожанина.

– Я не старик Або, ты находишься в другом мире, понимаешь?

– Мудрецы вольны зваться любыми именами, и выглядеть любым обликом. Ты в очередной раз поступил мудро, помолодев. – русалка и бровью не повела, проигнорировав упоминание другого мира, – Если есть причины медлить, то поклянись перед Небом, что ожидание не станет преступлением перед Таопи!

Это я был готов сделать с лёгкостью! Открыв окна нараспашку, чтобы устроить сквозняк, я торжественно произнёс формулу клятвы, надеясь, что ничего не напутал. Поклявшись в искренности, дружелюбии, уверенности в судьбе племени Таопи, я не рискнул лишь поклясться в том, что точно знаю Келину. То, что меня не убило на месте ударом молнии, подтвердило клятву, и девушка успокоилась.

– Прости за недоверие, мудрый Альберт, просто я боюсь. Боюсь, что пираты не остановятся, и превратят весь мир в большую выгребную яму, залитую кровью и ромом. – извинилась русалка. Она была достаточно сильной, чтобы признавать свои слабости.

Мне пришла в голову идея. Отправлять персонажа «назад», если и была такая возможность, казалась мне сродни убийству, ведь история Келины кончается гибелью. С другой стороны, она могла бы успокоиться, узнав «будущее» после исторического сеанса.

– Келина, Честный был убит, и ты сама сможешь посмотреть на это событие, как оно происходило. Но завтра, хорошо? Скоро чары развеются, и я усну. Тебе тоже надо бы поспать, завтра будет большой день.

– Спи, я посторожу твой сон, чтобы злые духи, пришедшие по моим следам, не терзали тебя. – с этими словами русалка достала из скрытого в платье чехла зазубренный кинжал, а я уже был слишком уставшим, чтобы спорить!

Не так страшны гипотетические злые духи, сколько стоящая у изголовья девушка с горящими глазами и ножом, так что спал я просто «замечательно»! Надеюсь, этот опыт выпал на мою судьбу в первый и последний раз.

Удивительно, но мне удалось не только заснуть, но и выспаться! Келина устроилась неподалёку на диванчике; кажется, она исполнила своё обещание, и не сомкнула глаз всю ночь. Не самый сложный подвиг для воительницы-таопи, но нужды в этом всё равно не было.

– Келина, прошу, тебе надо поспать. Злые духи не придут, понимаешь? – жалобно сказал я, но девушка только отмахнулась.

– Пока внутри меня горит огонь, я не усну. Даже если я проведу здесь тысячу приливов, я не сомкну глаз! – отрезала она.

Наблюдая за приготовлением завтрака, словно за колдовством, Келина не стеснялась показывать любопытство, трогая то «коробку с холодом», то «ящик огня», и даже обругала кухонный нож, «которым даже курицу не нарезать». Отведав гренки, словно блюдо эльфийских мастеров-кондитеров, девушка поблагодарила меня, и заметила:

– Это очень странный остров. Здесь холодно, словно бы Вулкан его никогда не согревал. И огонь здесь молчит. Он согрел хлеб, но я не слышала его песни. Неужели небесный огонь не поёт?

– Это не огонь, а магия. Во многих домах Руара предпочитают такие плиты для готовки еды, а не угли. Они намного удобнее, и не устраивают пожары.

– Тебе нужно вернуться, и поделиться этим знанием с Таопи! – уверенно сказала девушка.

– Не получится.

– Получится! Если ты не можешь вернуться, нас обязательно вернут! Ты нужен нам! – воительница сказала это настолько проникновенно, что в груди что-то дёрнулось. Конечно, я никогда не встречался с Таопи, но где-то оставались мои друзья, моя семья, которые, верно, всё ещё ждали, что я «нагуляюсь и поумнею» ... Грустно осознавать, что я почти забыл их за своей чередой странствий, и только героиня моей истории освежила мою память, вызвав лёгкое чувство раздражения и печали.

– Пошли, я покажу тебе смерть Чарлея Честного. Надеюсь, мой сосед не сильно занят. – проглотив нахлынувшие чувства, я бросил взгляд в окно: на дом Базилио.

Историка удалось поймать на пороге: увидев мою спутницу, шартиец галантно поклонился.

– Базилио, знакомьтесь, это – Келина Ма’напи, моя... – я думал, назвать её «дочерью» или «персонажем», но решил немного приврать: – хорошая знакомая. Келина, это Базилио, мастер-историк.

– Вик ан, ма-нуа. – какие силы подсказали историку произнести форму знакомства таопи, я не знаю, но девушка тут же перестала бояться краснокожего и рогатого Базилио, и ответила тем же.

– Вик ан, ма-нор. Мудрый Альберт говорит, что ты можешь показать смерть Чарлея Честного.

Базилио иронично поднял бровь, и произнёс:

– У меня были на сегодня другие планы, но ради нашего знакомства я пойду вам навстречу. В особенности, если *мудрый Альберт* мне проассистирует.

Я почувствовал, как мои щёки запылали от смущения! Базилио черкнул записку в Театрум, и отправил пространственным тоннелем: уже через минуту её смогут прочесть на рабочем месте. «Пожалуйста, зови меня просто Альберт, хорошо?» – шёпотом попросил я девушку. Не очень осведомлён об остроте слуха шартийцев, лишь об их этикете; аристократ Н’Шарта очень редко позволяет себе вилять хвостом, как сейчас это незаметно делал мастер-историк. Кажется, ему было смешно наблюдать меня в такой ситуации!

Жилище Базилио выглядело очень аккуратным, и выдержанным в едином стиле – лаконичном модерне. Келина смотрела во все глаза на необычное убранство, а я подумал, что в Руаре слишком мало ценителей эстетики простых форм. На лакированной столешнице я увидел ещё одну редкую красивую деталь – голографическую скульптуру семьи шартийца: три фигурки держались вместе, и устремляли свои взгляды куда-то вдаль. Сердце снова кольнула застарелая боль, второй раз за утро. Мне было хорошо известно, что в этом доме жили всего лишь двое.

Базилио вышел из соседней двери, держа в руке серебряную лампу-проектор.

– Прошу извинить, обычно в сеансах мне помогает сын, но его уже утащил лоботряс Тив. Какие эпизоды вы хотели бы увидеть?

– Золотую резню, точнее, её начало, когда был убит Чарлей Честный. – попросил я. Базилио поморщился.

– Я ценю ваше рвение, но не будет ли это зрелище слишком... жестоким для леди?

– Со дня смерти любимого я поклялась Океану, что подлый мясник будет убит! – гневно выпалила русалка. Базилио удивлённо вскинул брови, но решил не комментировать реплику воительницы. Ритуальный круг засветился зелёным, очертания комнаты поплыли, мы стремительно погружались в события былого, под светом проектора.

Следующие несколько минут мы, словно три призрака, наблюдали неприятное зрелище битвы пиратов, которая была в самом разгаре. Келина выхватила кинжал, издала боевой клич, и с размаху вонзила в шею ближайшего бородача, но он этого не заметил.

– Ратахай! Что за злые чары, Базилио?! – прорычала она.

– Келина, мы лишь наблюдатели, но клянусь, никто из пиратов не выжил в те времена. Эти события произошли две тысячи лет назад! – напомнил я. – Пошли! Сейчас будет битва, в которой пал Честный.

Мы прошли в каюту, где уже началась схватка. Как и полагалось в реальности, здесь не было ни красоты, ни пафоса, сцена длилась несколько секунд: пират выстрелил в островитянина из револьвера, но промахнулся. Воин нанёс пару ударов, три из которых были отбиты, но четвёртый достиг цели. Никаких возвышенных предсмертных речей, и, тем более, со смертью капитана корабля битва не закончилась – пираты пока не знали, что их глава убит.

– Тот вид исторических неточностей, которые я готов простить литераторам. Важнейшее событие века! И такое короткое. – пожаловался Басилио, и махнул рукой в сторону мертвеца. – А настоящий герой был всего лишь рядовым воином отряда Бакуды Ло'га.

– Подлец не заслужил красивой смерти, Океан снова явил миру справедливость. – процедила Келина, и опустила на пол. – Басилио! Поклянись, что всё это случится на самом деле!

– Келина, я клянусь не только в этом, но и в том, что события эти произошли тысячу девятьсот семьдесят два года назад. Исторический сеанс не позволяет вносить изменений, только рассматривать. Что бы мы ни делали, Честный был убит так, и никак иначе. Вы всё увидели, или хотели бы рассмотреть другие... «события» Золотой резни?

Келина ничего не ответила, лишь расплакалась. Пока Басилио аккуратно возвращал нас в реальность, я пытался утешить девушку, и мне это не сразу, но удалось. Увидев смерть своего заклятого врага, воительница позволила себе расслабиться, и снова стать юной русалкой из племени Таопи. Спустя время, всхлипы прекратились: Келина уснула на кушетке.

Басилио жестами позвал меня в соседнюю комнату, и поинтересовался:

– Я безгранично уважаю вас, Альберт. Не знаю, откуда прибыла эта прекрасная леди, но я понимаю, почему в истории «Дочери Вулкана» были все эти неточности. Ради Келины я готов простить каждое, в том числе и её многословность!

– Это и есть настоящая Келина. Каким-то образом она вышла из книги, и приняла меня за Мудрого Або. В Театруме уже были такие случаи? Что с этим делать?

Басилио с укором посмотрел на меня.

– Если бы она была ненастоящей, это было бы заметно. Персонажи обладают жутковатой привычкой говорить неестественными одинаковыми фразами. Также они не в состоянии отправиться в прошлое, здесь ваша легенда терпит явный крах.

– То есть, она реальна?

– Да, и ей нужна ваша помощь. Увлечение историей похвально, но девушке нужно принять себя без маски воительницы-таопи, и зажить нормальной жизнью.

То, что Келина – персонаж, а не безумная комедиантка, я был уверен: пусть я не мерид, но подобный обман сразу бы раскусил. Заподозрить Басилио в розыгрыше было бы тоже возмутительно; мой сосед выглядел на редкость разумной и серьёзной личностью.

– Она чудесна. Будь у меня такая невеста...

Я был готов услышать подобную реплику из уст Мики, но не историка, который, кажется, влюбился в оживший образ Дочери Вулкана! Хотя... Келина была невероятно прекрасной, как и полагается главной героине истории.

– Нет-нет, она просто моя знакомая! – замахал руками я, и вспомнил голограмму на столе. – Мне казалось, вы женаты, Басилио.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.